

Глава 1. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Результатом взаимодействия людей в обществе является переплетение смыслов, ожиданий, деяний, и все это составляет предмет изучения социологии. Следовательно, мы можем определить *социологию как научное изучение социального взаимодействия и организации.*

Социология – отрасль науки о человеческом поведении, ставящая целью раскрытие причинно-следственных связей, возникающих между индивидами и группами в процессе социальных отношений. Она изучает традиции, структуры и институты, влияние групп и организаций на поведение и характер людей. Социология исследует базисные характеристики человеческого общества в локальном и мировом масштабе, занимается изучением социального взаимодействия и группового поведения с помощью исследований, основанных на точном и специализированном сборе и анализе фактов.

Социология с ее опорой на наблюдения и измерения позволяет использовать систематизированную информацию для решения сложных задач, связанных с социальной политикой и выбором, является действенным инструментом познания человеком своего положения в обществе, в семье, в других социальных группах.

§ 1.1. СОЦИОЛОГИЯ КАК НАУКА

Социология и другие науки

Естественные науки. Во все времена человек был одержим желанием раскрыть окружающие его тайны и понять мир.

В процессе познания люди разрабатывали методы изучения социального и естественного мира, с их помощью получали, обосновывали и систематизировали знания о мире. Социология – научное исследование общества и человеческого поведения – является одной из наук, разработанных современной цивилизацией. Чтобы лучше понять место социологии среди этих наук, необходимо вначале рассмотреть отдельно науки естественные и общественные.

Естественные науки – это теоретические и академические дисциплины, ставящие своей целью понимание, объяснение и прогнозирование событий и процессов природной среды. Естественные науки подразделяются на специализированные области исследования в соответствии со своим предметом, такие, как биология, геология, химия и физика. Далее они подразделяются на еще более специализированные разделы с более узким содержанием. Биология включает в себя ботанику и зоологию, геология – минералогия и геоморфологию, химия изучает органические и неорганические вещества, в физике выделяют биофизику и квантовую механику. В каждой области исследований рассматривается определенный “кусочек” природы.

Общественные науки. Люди не ограничились изучением природы. Стараясь получить более полное представление о жизни, они создали также области науки, предметом которых является социальный мир. Эти общественные науки изучают человеческие отношения. Если естественные науки стремятся объективно понять мир природы, то науки общественные ставят своей целью объективно понять социальный мир. Мир природы включает в себя упорядоченные (закономерные) связи, которые не очевидны, но

должны обнаруживаться в целенаправленных наблюдениях, упорядоченные отношения людей в социальном мире тоже не бросаются в глаза, и их приходится выявлять с помощью целенаправленных и регулярных наблюдений.

Науки об обществе включают в себя антропологию, экономику, политологию, психологию, историю и социологию. В свою очередь антропология делится на культурную и физическую антропологию; экономика на макро- и микроэкономику; в политологии имеются теоретические и прикладные разделы; психология может быть клинической или экспериментальной; история – всемирной и историей отдельных стран; объектом изучения социологии являются количественные и качественные аспекты общественной жизни. Поскольку нас интересует социология, сравним ее с другими общественными науками.

Политология. Политологи занимаются вопросами политики и управления государством. Они изучают то, как люди управляют своим обществом, различные формы правления, их структуру и отношение к другим общественным институтам. Особый интерес для политологов представляют способы достижения людьми власти в обществе, то, каким образом они сохраняют за собой властные позиции, взаимоотношение властвующих с подвластными, политические организации, институты, движения и поведение избирателей.

Экономика. Экономическая наука также концентрируется на изучении одного социального института. Экономисты занимаются исследованием проблем производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг в конкретном обществе.

Антропология. Антропология, родственная социологии дисциплина, исследует культуру как образ жизни общества в целом. Преимущественно она концентрирует свое внимание на изучении культуры дописьменных, или племенных, обществ. В понятие культуры как предмета антропологии входят: артефакты группы, например орудия труда, искусство и оружие; структура группы, т.е. иерархия и другие модели, которые определяют взаимоотношения в обществе; идеи и ценности группы, влияние верований на жизнь людей; формы коммуникации в группе, особенно язык.

Психология. Психологи занимаются исследованием психических процессов, связанных с интеллектом, эмоциями, восприятием и памятью. Такая отрасль психологии, как социальная психология, изучает социальную обусловленность поведения индивидов и групп, т.е. типы поведения в связи с социальными нормами, воспитанием, возрастом, жизненным опытом, происхождением, а также влияние потребностей, самооценки на межличностные, внутрigrупповые и межgrупповые отношения.

История. Историческая наука изучает прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии, т.е. имеет дело с прошлым поведением и уникальными событиями. Она состоит из всемирной (всеобщей) истории и истории отдельных стран и народов. Отраслями исторической науки являются: историческая география, историография, экономическая история, а также археология, палеография, генеалогия, дипломатика, хронология и др.

Социология. У социологии много общего с другими общественными науками. С политологией ее объединяет то, что она исследует среди прочего проблемы политических отношений и государственного управления. С экономической наукой она граничит, затрагивая сферу социального обращения товаров и услуг, но в аспекте исследования социальных последствий производства, распределения и обмена. Как и антропология,

социология делает своим предметом культуру, верования, традиции, но рассматривает их под особым социологическим углом. С психологией ее роднит то, что она исследует личность и ее жизнь в группе себе подобных. Наконец, в отличие от исторической науки, которая изучает только то, что свершилось и вошло в историю, социология фокусируется на современности, включает в себя социальное планирование и прогнозирование.

Что же отличает социологию от других общественных наук?

Определения предмета социологии

Одни социологи рассматривают общество как структурированную систему, другие – как совокупность взаимодействующих индивидов, одни изучают материальные факты, другие – символы. Ткань общественных отношений настолько сложна, что практически невозможно в одном определении выразить столь широкомасштабный предмет социологии. Поэтому приведем некоторые наиболее авторитетные суждения:(Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1999. С. 67-69.)

“...Можно назвать *институтом* все верования, все поведения, установленные группой. Социологию тогда можно определить как науку об институтах, их генезисе и функционировании”(Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20.) (Э. Дюркгейм).

Социология, “будучи в самом широком смысле слова обширной наукой об обществе... может быть определена как наука социальных элементов и первых принципов”(Гиддингс Ф.Г. Основания социологии. М., 1898. С. 36.) (Ф.Г. Гиддингс).

Предмет социологии “заключает в себе множество движений... отношение индивидуума к обществу, причины и формы образования групп, противоположности классов и переходы от одного к другому, развитие отношений между господствующими и подчиненными и бесконечное число других вопросов”(Зиммель Г. Социальная дифференциация. М., 1909. С. 11.) (Г. Зиммель).

“Социология есть наука, исследующая формы правления, усиления и ослабления солидарности между сознательными органическими особями”(Лавров П.Л. Философия и социология//Избр. произв. В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 639.) (П.Л. Лавров).

“Сама социология справедливо и очень точно определяется как *наука о культуре*, или, вернее, о факторах культуры в широком смысле слова”(Де-Роберти Е.В. Социология и психология//Новые идеи в социологии. СПб., 1914. Сб. № 2. С. 8.) (Е.В. Де-Роберти).

“Социология должна быть учением об обществе, подобно тому как существует общее учение о жизни”(Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897. С. 3.) (Н.И. Кареев).

Социология – “наука о порядке и прогрессе человеческих обществ”(Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1910. С. 30.) (М.М. Ковалевский).

“Социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия,– с другой”(Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 57.) (П.А. Сорокин).

В дополнение к этому приведем еще некоторые определения предмета социологии как науки, которая изучает общество и социальное поведение.

Согласно определению Р. Парка и Э. Берджесса, социологию можно считать наукой, которая изучает коллективное поведение. А. Инкелес в свою очередь отмечает, что социология изучает системы социальных действий и их взаимоотношения и ее объектами являются общества, институты и социальные отношения.

Социология пытается постичь поведение человека, детерминируемое прежде всего культурой, бытом, социальной организацией и другими подобными факторами. При этом, естественно, в поле зрения исследователя попадают различные причинные связи, отношения и зависимости, т.е. социальное поведение изучается в динамике.

Я. Робертсон называет социологию наукой, изучающей человеческое общество и социальное поведение. По Д. Дугласу, социология является наукой, которая изучает человека и общности и стремится определить их характерные черты, особенно на примере современных цивилизаций.

Хотя социология обращает внимание и на индивида, однако центральными объектами ее исследования являются социальные группы и группировки, а также социальные процессы. Социология описывает и рассматривает среди прочего модели социальных ценностей, социальных изменений, девиантного поведения, религиозного поведения и семейной жизни. Социология исследует различия, которые существуют между социальными классами, политическими и профессиональными группами и другими социальными объединениями. При этом она не интересуется собственно межличностными различиями, хотя иногда должна рассматривать и их.

Дж. Ноббс, Б. Хайн и М. Флемминг выдвинули определение, характеризующее социологию как научное и систематическое исследование поведения людей, живущих в группах (имеются в виду организованные общности). Самой малой группой является, как правило, семья, а самой большой – нация или государство. Существуют такие группы, как школьный коллектив, рабочий коллектив, соседство, село или город.

“Социология,– пишет В.А. Ядов,– это наука о становлении, развитии и функционировании социальных общностей и форм их самоорганизации: социальных систем, социальных структур и институтов. Это наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта – общностей; наука о социальных отношениях как механизмах взаимосвязи и взаимодействия между многообразными социальными общностями, между личностью и общностями; наука о закономерностях социальных действий и массового поведения”.

Г.В. Осипов определяет социологию как науку, которая исследует социальную структуру общества, развитие систем и организаций, а также взаимодействия внутри общества. Под социальной структурой Осипов подразумевает между- и внутриклассовые отношения и систему социальных институтов или учреждений, регулирующих эти отношения.

Согласно Н. Смелзеру, “социология, попросту говоря, это один из способов изучения людей... Если кратко, социологию можно определить как научное изучение общества и социальных отношений”. Э. Гидденс понимает социологию как “науку о социальной жизни человека, групп и обществ”.

Во всех приведенных определениях подчеркивается социальная структура, с одной стороны, и социальное поведение (действие) – с другой, как предметы социологического исследования. Демографическая, экономическая и классовая структура общества, территориальные факторы, господствующие этические, моральные и духовные ценности (что в общих чертах составляет социальную структуру общества) определяют социальное поведение. Социология стремится понимать и объяснять поведение человека именно с помощью этих структурных и ситуативных факторов.

Одни структурные факторы, как, например, демографическая и экономическая структура общества, весьма конкретны. Другие – являются отвлеченными и как будто не столь очевидными. К ним относятся, в частности, социальные отношения, которые, как и социальная структура, регулируют взаимодействие индивидов.

Определение предмета социологии как науки, которая изучает социальное поведение, или действие, и социальные структуры, графически представлены на рис. 1.1.

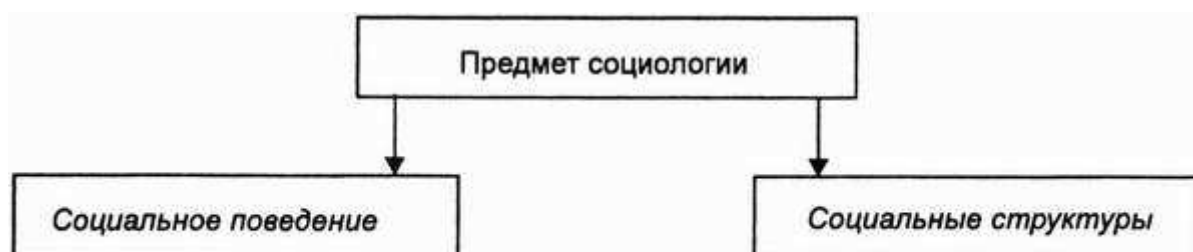

Рис. 1.1. Определение предмета социологии как науки

§ 1.2. РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ

Предыстория и социально-философские предпосылки социологии

Аристотель и Платон. Первые в истории европейской мысли теории общества возникли в рамках античной философии. Наиболее значительные из них принадлежат двум крупнейшим древнегреческим философам – Платону (428/427-348/347 до н.э.) и Аристотелю (384-322 до н.э.).

Социальные взгляды *Платона* наиболее полно отражены в диалоге “Государство”. Главная его мысль заключается в том, что человеческое общество должно воплотить в жизнь идеальную общественную систему, сознательно построенную и управляемую интеллектуальной элитой в соответствии с принципами разума и целесообразности.

Общество пребывает в состоянии хаоса, социальной напряженности и смуты до тех пор, пока в нем не устанавливается твердый порядок, при котором каждый гражданин занимается своим делом (разделение труда), но не вмешивается в дела других граждан, сословий, классов (социальное разделение). Стабильным следует считать общество, поделенное на три класса (сословия): высший, состоящий из мудрецов, управляющих государством; средний, включающий воинов, охраняющих его от смуты и беспорядка; низший, состоящий из ремесленников и крестьян.

Принадлежность к интеллектуальной элите, согласно Платону, обусловлена только происхождением. Платон считал, что люди от природы не равны и управлять могут только те, кто от рождения наделен высшими качествами души, – мудрецы и философы. Они должны сохранять нравственную высоту и быть абсолютным образцом поведения для низших слоев общества.

У *Аристотеля* опорой порядка выступает зажиточное среднее сословие. Кроме него, существуют еще два сословия: богатая плутократия и, лишенные собственности бедняки. Государство лучше всего управляется в том случае, когда масса лишенных собственности бедняков не отстранена от участия в управлении, эгоистические интересы богатой плутократии ограничены, а среднее сословие многочисленнее и сильнее, чем два других.

Аристотель учил, что несовершенство общества исправляется не уравнительным распределением, а моральным улучшением людей. Законодатель должен стремиться не ко всеобщему равенству, а к выравниванию жизненных шансов.

Частная собственность развивает здоровые эгоистические интересы. Когда они есть, люди не ропщут друг на друга, так как каждый занят своим делом. Если в обществе есть такие, кто работает много, а получает мало, они всегда будут недовольны теми, кто работает мало, а получает много. Человеком управляет множество потребностей и стремлений, но главная движущая сила – любовь к деньгам, ибо этой страстью больны все. При коллективной собственности все или большинство бедны или озлоблены. При частной – появляются богатство и неравенство, но только она дает гражданам возможность проявить щедрость и милосердие. Однако чрезмерное неравенство в собственности опасно для государства. Аристотель превозносит общество, в котором преобладает зажиточное среднее сословие.

Никколо Макиавелли (1469-1527) первым из мыслителей Нового времени обратился к идеям Платона и Аристотеля и создал на их основе оригинальную теорию общества и государства.

В его главном произведении “Государь” описываются принципы создания сильного государства в условиях, когда в народе не развиты гражданские добродетели, но акцент делается не на структуре общества, а на поведении политического лидера. Макиавелли сформулировал законы поведения правителя, желающего добиться успеха.

Закон первый: действиями людей правит честолюбие и стремление к власти. Чтобы добиться стабильности общества, надо выяснить, какой социальный слой более честолюбив: желающие сохранить то, что имеют, или желающие приобрести то, чего у них нет. Оба мотива одинаково разрушительны для государства, и для поддержания стабильности оправдана любая жестокость.

Закон второй: умный правитель не должен выполнять все свои обещания. Ведь и подданные не очень спешат с выполнением своих обязательств. Добиваясь власти, можно расточать обещания, но придя к ней, не обязательно их выполнять, иначе попадешь в зависимость от подчиненных. Заслужить ненависть за добрые дела так же легко, как и за злые, но зло – признак твердости. Отсюда совет: чтобы завоевать власть, надо быть добрым, но чтобы ее удержать, надо быть жестоким.

Закон третий: творить зло надо сразу, а добро – постепенно. Наградами люди дорожат, когда они редки, наказания же нужно производить сразу и в больших дозах.

Томас Гоббс (1588-1679) сделал следующий шаг: он разработал теорию общественного договора, ставшую основой учения о гражданском обществе. Гоббс поставил вопрос: “Как возможно общество?” – и ответил на него так: во-первых, люди рождаются неспособными к общественной жизни, но приобретают склонность к ней в результате воспитания (социализации); во-вторых, гражданское общество порождено страхом одних перед другими. Естественное состояние людей, согласно Гоббсу, – это “война всех против всех”, абсолютное соперничество индивидов в борьбе за существование. Это естественное состояние общества порождает у людей страх друг перед другом. Именно страх заставляет людей создать гражданское общество, т.е. такое общество, которое на договорной основе гарантирует каждому своему члену относительную защищенность от враждебных действий других. Страх не разъединяет, а напротив, соединяет, побуждает заботиться о всеобщей безопасности. Государство – наилучший способ удовлетворения такой потребности.

Гражданское общество – высший этап развития; оно покоится на юридических нормах, признаваемых всеми. В гражданском обществе возможны три формы правления: демократия, аристократия, монархия. В результате общественного договора прекращается война всех против всех: граждане добровольно ограничивают личную свободу, получая взамен надежную защиту.

Джамбаттиста Вико (1668-1744) в эпоху Просвещения разрабатывал принципы исторического метода и познания “гражданского мира”, полностью сотворенного людьми. По Вико, происхождение всех общественных учреждений следует искать в “модификациях сознания” людей, а не в какой-либо внешней силе, управляющей людьми как марионетками. Причем социальный порядок возникает и развивается “естественным путем... при известных обстоятельствах человеческой необходимости или пользы”. Поскольку история, гражданский мир полностью сотворены людьми по их разумению, то подлежат систематизации, а если создать соответствующий метод, можно и историю превратить в науку, не менее точную, чем геометрия. Вико предложил ряд правил: если периоды в истории тождественны, то можно говорить об аналогии одного периода другому, но не следует распространять на отдельные эпохи представления и категории современности; сходные периоды чередуются примерно в одном и том же порядке; история движется по спирали, а не по кругу, вступая в традиционную фазу в новой форме (закон циклической эволюции). Подчеркивая специфику исторических эпох, Вико видит единство мировой истории, стремится найти общее, повторяющееся и существенное в истории разных народов и стран. Каждое общество совершает эволюционный цикл, состоящий из трех последовательно сменяющих друг друга стадий (“века богов”, “века героев” и “века людей”) и завершающийся кризисом и гибелью данного общества. Специфика “внутренней” истории каждой эпохи зависит от особенностей “нравов” (под ними Вико понимает не только моральный и традиционный уклад жизни нации, но и экономический), правовых установлений, формы правления и способов легитимации власти, межличностной коммуникации и характерных стереотипов мышления. Эти факторы проявляются в конкретно-событийном течении истории как “борьба сословий” и соответствующая ее перипетиям динамическая логика социально-политических форм общественной жизни. Фиксируя состояние современных ему европейских наций в фазе “века людей” (“гражданской эпохи”), Вико обнаруживает основной импульс исторических изменений в противостоянии плебеев и аристократии. Их борьба (плебеи стремятся к изменению социальной организации, аристократы – к ее сохранению) приводит к последовательной смене властно-организующих форм от аристократии через демократию к монархии. Разложение монархии сопровождается разложением всего социального организма и разрушением цивилизации. Исторический цикл возобновляется, начинаясь вновь с религиозной стадии развития. Но абсолютной повторяемости в истории нет и не

будет, поскольку имеет место свобода человеческого решения. Если конкретные события циклического “движения наций” могут различаться, то сам закон циклического воспроизводства сущностных форм культурно-исторических целостностей является единым и универсальным, поддерживая важный для Вико тезис о “возвращении вещей человеческих” (укоренившийся затем в философии Ф. Ницше и О. Шпенглера).

Социология своими корнями уходит в эпоху Просвещения и исторические события Французской революции, оказавшей существенное влияние на дальнейшее развитие человечества. Здесь следует назвать таких мыслителей, как Вико (1668-1744), Монтескье (1689–1755), Вольтер (1694-1778), Руссо (1712-1778), Гельвеции (1715-1771), Тюрго (1727-1781), Кондорсе (1743-1794).

Шарль Луи Монтескье сыграл особую роль в создании идейно-теоретической основы социологической науки. В работе “О духе законов” (1748) Монтескье задается целью понять историю, увидеть во множестве обычаев, нравов, привычек, идей, различных социально-политических институтов определенный порядок. За цепью событий, кажущихся случайными, он пытается увидеть закономерности, которым эти события подвластны. Многие вещи, отмечал он, управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат этого образуется общий дух народа.

В своих произведениях Монтескье уделял особое внимание политическим и государственным институтам. Особый интерес представляют его идеи о разделении властей и трех видах правления (демократия, аристократия, деспотия), которые впоследствии были положены в основу политического устройства современных буржуазно-демократических государств.

С именем Монтескье во многом связано возникновение теории географического детерминизма. Он изучал влияние климата, географической среды, численности населения на различные аспекты социально-политической и экономической жизни. По его мнению, характер политического режима зависит от размеров территории, занимаемой государством. Например, Монтескье считал, что республика по своей природе требует небольшой территории, монархическое государство должно быть средней величины, а обширные размеры империи – предпосылка для деспотического управления.

Жан Жак Руссо (1712-1778) разработал концепцию “*ordre naturel*” (естественного порядка), который благодаря общественному договору превращается в “*ordre positif*” (“порядок позитивный”). В отличие от Гоббса Руссо не считает, что люди от природы враждебны друг другу. В его понимании человек по своей природе добр, свободен и самодостаточен. Первобытное состояние человеческого сообщества характеризуется свободой и равенством всех. Период выхода из состояния дикости, когда человек становится существом общественным, представлялся ему самой счастливой эпохой – “золотым веком”. Дальнейшие беды человечества возникают по мере усиления социального неравенства. Вследствие разделения труда происходит присвоение всего немногими, которые заключают с неимущими общественный договор, основанный на неравенстве и несвободе неимущих. Так с помощью договора закрепляется неравенство. Оно может быть устранено только путем передачи прав всех отдельных людей обществу в ходе процесса голосования, когда интересы отдельных лиц нейтрализуются и обосновывается общая воля. В этом общественном договоре положение людей двояко: с одной стороны, они независимы как части суверена, а с другой – как подданные вынуждены подчиниться общей воле. Руссо обосновывает законность революционного переворота: народ имеет право “сбросить с себя ярмо” и “вернуть себе свободу”,

поскольку рабство противно самому естеству человека. Основой политической теории Руссо является учение о народном суверенитете как осуществлении общей воли. Она в свою очередь выступает источником законов, мерилom справедливости и главным принципом управления.

Становление социологии как науки

Политические революции, начавшиеся с Французской революции в Европе в 1789 г. и продолжавшиеся в течение всего XIX в., послужили импульсом для социологических разработок. Многие были напуганы хаосом и беспорядками в Европе и испытывали ностальгию по спокойной и относительно упорядоченной жизни. Однако было ясно, что невозможно обратить время вспять и следует искать новые основы для наведения порядка в обществе.

Промышленная революция, охватившая многие западноевропейские государства, привела к тому, что толпы людей из аграрных районов хлынули на поиски работы в город, на фабрики и мануфактуры. Возникли новые социальные и экономические структуры, необходимые для существования зарождающегося капитализма. Противоречия раннего этапа развития индустриальной системы привели к тому, что некоторые теоретики, к примеру Карл Маркс, подвергли критическому анализу функционирование социальных и экономических институтов и предложили альтернативные варианты социального устройства.

Представим “социологические портреты” ученых, заложивших основы социологии и внесших наибольший вклад в ее развитие.

Огюст Конт (1798-1857) считается основателем социологии, он ввел в научный оборот сам термин “социология”. В своем главном произведении “Курс позитивной философии” (1842) он устанавливает единый закон движения истории и человеческого познания, переформулировав предложенные уже Джамбаттиста Вико три стадии истории человечества в стадии познания, которые последовательно должен пройти человеческий дух: теологическая, или фиктивная; метафизическая, или абстрактная; научная, или позитивная.

На первой, теологической стадии человеческий ум объясняет мир и совершающиеся вокруг него процессы прямым и постоянным действием сверхъестественных сил. (Этот период разделяется на три этапа: фетишизм с высшей формой – поклонением небесным светилам; политеизм (наибольший расцвет воображения – античная Греция); монотеизм, когда признание единого духовного принципа ведет к единству многообразных форм духовной жизни, но приглушает воображение.) На второй стадии, метафизической, антропоморфные божества заменяются отвлеченными силами, различного рода абстракциями, воплощенными в разных сущностях мира. Что касается третьей стадии, позитивной, то Конт характеризует ее так: “человеческий Ум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от решения вопроса о происхождении и назначении Вселенной, равно как от познания внутренних причин явлений”, чтобы заниматься лишь “открытием путем соединения рассуждений и наблюдений действительных законов этих явлений, то есть неизменных отношений последовательности и сходства между ними”.

Науки (и здесь Конт выступает как наследник французского Просвещения) не являются самоцелью, они служат прогрессу человечества. Социология как позитивная наука в

будущем должна обеспечить познание, которое облегчит политические действия, способствующие развитию государства в направлении “позитивного состояния”.

Таким образом, “позитивность” у Конта относится, с одной стороны, к познанию, а с другой – к социальному устройству. Позитивное состояние является не только средством, но и целью духовно-морального развития, достижения согласия общественных отношений с помощью “естественных законов”.

В качестве инструмента познания позитивная наука нацелена на познание законов. Каждая более сложная наука строится на более общих науках и потому может пользоваться их методами, но каждая более сложная наука добавляет свой специфический метод или способ рассмотрения. В случае социологии это исторический метод, заключающийся в сравнении предшествующего и последующего состояний и выведении на этой основе законов развития.

Таблица 1.1. Система наук и их методов по Конту

Наука	Метод
Абстрактные (математика)	Логика
Конкретные (геометрия, механика)	Наблюдение
Астрономия	Наблюдение
Физика	Наблюдение + эксперимент
Химия	Наблюдение + эксперимент + классификация
Биология	Наблюдение + эксперимент + классификация + сравнение
Социология	Наблюдение + эксперимент + классификация + сравнение + исторический метод

Социология как наука о человеческом обществе является самой молодой отдельной наукой в составленной Контом энциклопедии наук. С ее помощью можно не только объяснять закономерности общественного устройства и развития, но и поставить политику на научную основу для содействия прогрессу человека и общества.

Вместе с тем социология является самым сложным ответвлением в иерархии позитивных наук и потому должна опираться на все позитивные науки. Математика представляется Конту главной основополагающей наукой. Наукой, получившей самое раннее развитие, следует считать астрономию, за ней следует физика, затем химия и биология. Чтобы заниматься социологией, нужно усвоить все эти науки (за исключением психологии, которую Конт отвергает).

С помощью социологии Конт пытается преодолеть социальные катаклизмы своего времени и объединить оба полюса – порядок и прогресс. Прогресс без порядка – это

анархия, порядок без прогресса превращается в реакцию. В позитивной политике порядок и прогресс – это две неразрывные стороны одного и того же принципа. Конт воспринимает порядок и прогресс прежде всего как два вида общественных закономерностей, которые фиксируют две части социологии – социальную статику и социальную динамику.

Социальная статика имеет дело с общественным порядком, который понимается как гармония элементов, основывающихся на отношениях общности, и акцентирует внимание на “структуре коллективного существа” (общества), исследует условия его существования и законы социальной гармонии. Эти условия касаются индивида, семьи и общества. Семейные отношения и разделение труда – это основные отношения общественного порядка. Семья – живое воплощение социальной статики, которая в сущности сводится к изучению общественного консенсуса. Она предполагает, с одной стороны, анатомический анализ структуры общества в данный момент времени, а с другой – анализ элемента (или элементов), определяющих консенсус, т.е. превращающих совокупность индивидов или семей в коллектив. Консенсус – основная идея социальной статики Конта.

Социальная динамика основывается на определенной последовательности этапов развития. Согласно законам развития общества, по Конту, имеют место три стадии политико-социальных форм организации:

теологическая стадия – военное господство;

метафизическая стадия – феодальное господство;

позитивная стадия – промышленная цивилизация.

Эти стадии закономерно следуют друг за другом; поэтому неравенство между социальными группами связано с определенным уровнем развития. Уровень развития общества определяется не материальными изменениями, а духовно-нравственными отношениями между людьми. Основной закон социальной динамики (“закон прогресса”) заключается в том, что каждый подъем духа в силу всеобщего консенсуса вызывает соответствующий отклик во всех без исключения общественных областях – искусстве, политике, промышленности. Дух везде играет руководящую роль, образуя силовой центр социальной эволюции.

Огюст Конт по праву может считаться основателем социологии, и не только потому, что он первым начал заниматься обществом и социальными процессами (социологические идеи имеют Давнюю историю), но и потому, что своим проектом систематизации наук и включением в них социологии он заложил основы Для придания ей академического статуса как отдельной науки.

Труды Конта оказали огромное влияние на многих выдающихся социологов, особенно на Герберта Спенсера и Эмиля Дюркгейма.

Герберт Спенсер (1820-1903), английский философ и социолог, разделял мнение Конта о социальной статике и социальной динамике. Он придерживался мнения, что общество имеет ряд важных сходств с биологическим организмом, и описывал его как систему, как некое целое, состоящее из взаимосвязанных и взаимозависимых частей. Точно так же, как человеческое тело состоит из органов, например почек, легких и сердца, общество состоит из различных социальных институтов – семьи, религии, системы образования, государства и экономики. Подобно биологам, описывающим организм в виде его структур и функций,

которые обеспечивают выживание организма, Спенсер так же описывал общество. Такое представление об обществе соотносится с тем, что современные социологи называют структурно-функциональной теорией (см. гл. 2).

Большое внимание Спенсер уделял социальной динамике. Он выдвинул эволюционную теорию исторического развития, согласно которой в мире происходит прогрессивное развитие. Заинтересовавшись теорией естественного отбора Ч. Дарвина, Спенсер применил концепцию выживания сильнейших к социальному миру. Этот подход был определен как *социальный дарвинизм*. Спенсер пытался доказать, что правительство не должно вмешиваться в естественные процессы, протекающие в обществе. Только в таких условиях люди “приспособленные” будут выживать, а “неприспособленные” – вымирать. По мнению Спенсера, если бы этот принцип свободно функционировал, то человеческие существа и их социальные институты, подобно растениям и животным, смогли бы постепенно приспособиться к существующим условиям и достигать все более высоких уровней исторического развития.

Социальный дарвинизм Спенсера свидетельствует о том, что наши представления о самих себе и Вселенной формируются под влиянием той социальной эпохи, в которую мы живем. Большинство главнейших трудов Спенсера было создано в эпоху расцвета капиталистической свободной конкуренции, поэтому совсем неудивительно, что Спенсер придерживался доктрины, согласно которой вульгарный индивидуализм, неограниченная конкуренция и невмешательство государства способны привести к достижению самых положительных результатов.

Концепция социального дарвинизма Спенсера получила широкое распространение в Англии и США как теоретическая база, оправдывающая существование “дикого” капитализма. Джон Д. Рокфеллер, американский нефтяной магнат, вторя Спенсеру, заметил: “Рост крупного бизнеса есть просто выживание наиболее приспособленных... Эту тенденцию в бизнесе нельзя назвать порочной. Это просто результат действия закона природы”.

Карл Маркс (1818-1883) – политический деятель, социолог, философ, историк, экономист. Главная идея учения Маркса – идея материалистического понимания истории.

Маркс стремился выявить базовые принципы исторического развития в рамках материалистического понимания истории. Он акцентировал внимание на экономических условиях развития обществ, особенно на развитии технологии и методах организации производства (например, сельского хозяйства или промышленности). На каждом историческом этапе эти факторы определяют господствующие и угнетенные классы. Маркс был убежден в том, что общество разделяется на тех, кто владеет средствами производства, и тех, кто не имеет таких средств, и что именно это обуславливает классовые конфликты (см. гл. 6 и 8).

“...Всякая историческая борьба... в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновение между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства определяемого им обмена”.(Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 259.)

В Древнем Риме вели борьбу патриций и плебей, свободный и раб, в средние века – цеховые мастера и ремесленники, феодалы и крепостные. В современных (Марксу) западноевропейских обществах, выросших на руинах феодального строя, в антагонизме

друг к другу находятся буржуазия и пролетариат. Первые получают свой доход за счет владения средствами производства (фабриками и заводами), что позволяет им эксплуатировать рабочих. Вторые не имеют ничего и для того, чтобы выжить, вынуждены продавать свой труд.

На самого Маркса значительное влияние оказало творчество немецкого философа Г.В.Ф. Гегеля (1770-1831) и особенно его учение о диалектике. В философии Гегеля этим термином обозначался логический процесс развития идеи. Диалектический подход предполагает, что любая идея, определяемая как тезис, приобретает смысл только в том случае, когда соотносится с противоположной или противоречащей ей идеей, называемой антитезисом. В результате взаимодействия двух идей образуется новая идея, так называемый синтез. Маркс и Энгельс использовали диалектический подход с его содержательно-логическим принципом единства и борьбы противоположностей при рассмотрении общественных отношений в материальном мире. В дальнейшем он получил название *диалектический и исторический материализм*. Марксистская концепция заключается в том, что развитие зиждется на единстве и борьбе противоположностей и создании новых, более совершенных структур в ходе этого процесса. Маркса больше интересовало изучение реальных взаимосвязей, особенно классовых конфликтов, чем сугубо абстрактные гегелевские выкладки о тезисе-антитезисе-синтезе. Согласно взгляду Маркса на историю, каждый экономический строй развивается до достижения им состояния максимальной эффективности; одновременно с этим в нем развиваются внутренние противоречия или слабые места, подтачивающие его изнутри. Основы нового строя начинают формироваться в недрах существующего строя. Ни одна общественно-экономическая формация (определенный тип общества, представляющий собой особую ступень в его развитии) не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, а новые производственные отношения (совокупность материальных экономических отношений между людьми в процессе общественного производства и движение общественного продукта от производства до потребления) никогда не появляются раньше, чем в лоне старого общества созреют материальные условия их существования.(См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 8.*) Маркс приводит такую последовательность: на смену рабовладению приходит феодализм, который сменяется капитализмом, капитализм – социализмом и наконец социализм – коммунизмом (высшей стадией развития общества).

Маркс утверждал, что политические идеологии, право, религия, институт семьи, образование и правительство составляют надстройку общества. Экономический базис общества, т.е. способ производства материальных благ и классовая структура общества, оказывает воздействие на формирование всех общественных институтов. Когда один класс распоряжается самыми насущными средствами, с помощью которых люди обеспечивают свое существование, в его руках оказывается целая “система рычагов”, необходимых для формирования прочих аспектов институциональной жизни – надстройки, причем таким образом, чтобы это соответствовало интересам правящего класса. Однако экономическая система воздействует на надстройку не в одностороннем порядке. Надстройка в свою очередь оказывает влияние на экономический базис и изменяет его. По этой причине Маркс полагал, что когда рабочий класс вооружит себя революционной идеологией, способной повысить классовое самосознание, он свергнет существующий общественный порядок и установит новый подлинно гуманистический строй – коммунизм.

Классические социологические теории

Эмиль Дюркгейм (1858-1917), французский социолог, считал, что Маркс придает экономическим факторам и классовой борьбе избыточное значение. Согласно Дюркгейму, исторический переход от одной общественной формы к другой обусловлен природой и функциями социальной солидарности. Проблему социальной солидарности Дюркгейм исследовал в работе “О разделении общественного труда” (1893). Основная цель работы – доказать, что социальная солидарность обеспечивается разделением общественного труда. Он развивает теорию, которая сводится к следующему. В ранних обществах социальная солидарность основывается на сходстве составляющих их индивидов, одинаковости исполняемых ими общественных функций, на полном растворении индивидуальных сознаний в “коллективном сознании”. Структура была относительно простой, с незначительным разделением труда. Такую солидарность Дюркгейм называет *механической*. В развитых (“организованных”) обществах индивиды выполняют специальные функции в соответствии с разделением общественного труда, обуславливающего функциональную взаимозависимость и взаимобмен. Новый тип связей между индивидами, создаваемый разделением труда, Дюркгейм называет *органической солидарностью*.

По Дюркгейму, предмет социологии – *социальные факты*, составляющие систему социальной действительности. Социальные факты “составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются”.(Дюркгейм. Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. 1990. С. 413.) Социальные факты обладают реальностью *suí generis* и являются частью нашего объективного окружения. Как таковые, социальные факты выполняют роль сдерживающего фактора в поведении людей. Примерами могут служить социальные нормы, прописные истины общественной морали, образчики семейной жизни, религиозные ритуалы и обряды.

При рассмотрении с такой точки зрения социальный факт приобретает некую “вещественность”, полноправную реальность, которая не зависит от собственных конкретных проявлений в том или другом индивиде. Отличительным признаком реальности *suí generis* социального факта является ее сопротивление нашим намерениям и действиям. Например, ответом на пренебрежение индивидом моральных и правовых норм обязательно будет осязаемое общественное порицание. Дюркгейм настаивал на том, что объяснение общественной жизни следует искать в самом обществе, которое есть нечто большее, чем просто сумма его частей; это система, формируемая объединением индивидов и приобретающая свойства реальности, со своими собственными ярко выраженными характеристиками.

Дюркгейм убедительно продемонстрировал значимую роль социальных фактов в поведении людей в своей книге “Самоубийство” (“Suicide”, 1897), которая стала образцом обоснования социологии как эмпирической науки. Здесь Дюркгейм осуществил кропотливый сбор и анализ данных для проверки правильности своей теории. Более того, он применил статистические методы для исследования населения. С целью опровержения теорий, согласно которым самоубийство объяснялось климатическими, географическими, биологическими или психологическими факторами, Дюркгейм воспользовался правительственными статистическими отчетами. В качестве альтернативного объяснения он выдвинул предположение, что самоубийство есть социальный факт – продукт тех значений, ожиданий и соглашений, которые возникают в результате общения людей друг с другом. Будучи социальным фактом, самоубийство поддается объяснению с помощью социальных факторов. Дюркгейм исследовал уровень самоубийств у различных групп европейцев и обнаружил, что для некоторых групп характерен повышенный показатель. Среди протестантов самоубийства имеют место чаще, чем среди католиков; неженатые и

незамужние чаще кончают жизнь самоубийством, чем те, кто состоит в браке; среди военных самоубийств больше, чем среди гражданского населения. Кроме того, он обнаружил, что в мирное время количество самоубийств больше, чем во время войн и революций, в периоды экономического процветания и спада самоубийства происходят чаще, чем в периоды экономической стабильности. На основании полученных результатов Дюркгейм пришел к выводу, что различные показатели самоубийств (помимо тех, которые относятся к ведению психологии) являются следствиями вариаций социальной солидарности. Индивиды, имеющие целую сеть общественных связей, менее склонны к совершению самоубийства, чем индивиды, слабо связанные с жизнью группы. Ослабление социальных связей, индивидуальная изоляция служит типичной социальной причиной самоубийства в современном обществе.

Георг Зиммель (1858-1918) сыграл существенную роль в становлении социологии как самостоятельной науки, хотя и оставался в тени своих великих современников – Дюркгейма и Вебера. Зиммеля считают основоположником так называемой формальной социологии, в которой центральную роль играют логические связи и структуры, вычленение форм социальной жизни из их содержательных отношений и исследование этих форм самих по себе. Предметом этой науки являются формы обобществления, которые можно определить как структуры, возникающие на основе взаимовлияния индивидов и групп. Общество основывается на взаимовлиянии, на отношении, а конкретные социальные взаимовлияния имеют два аспекта – форму и содержание. Абстрагирование от содержания позволяет проецировать “факты, которые мы считаем общественно-исторической реальностью, на плоскость чисто социального”. Содержание становится общественным только через формы взаимовлияния или обобществления. Лишь таким путем можно понять, “что в обществе есть действительно “общество”, так же как только геометрия может определить, что в объемных предметах действительно является их объемом”. Общество суживается и ограничивается формами отношений; наряду с этим такие понятия, как “культура”, “жизнь”, у Зиммеля не только имеют вполне содержательное значение, но и занимают в его творчестве большое место.

Зиммель предвосхитил ряд существенных положений современной социологии групп. Он особенно подчеркивал значение числа членов группы. Вначале выработка правил и организационных форм, органов и т.п. зависит от численности группы, т.е. только при определенном размере группы структурируются и образуют органы, основанные на разделении труда.

Группа, согласно Зиммелю, является образованием, которое обладает самостоятельной реальностью, существует по своим собственным законам и независимо от индивидуальных носителей. Она, как и индивид, благодаря особой жизненной силе имеет тенденцию к самосохранению, которая проявляется в продолжении ее существования несмотря на исключение отдельных членов, но ослабляется там, где жизнь группы тесно связана с одной господствующей личностью. Распад группы возможен из-за властных действий, которые не отвечают групповым интересам, а также из-за персонализации группы. Однако лидер может быть объектом идентификации и укреплять единство группы. Это может происходить также при помощи вещественных символов.

Зиммель всегда интересовался проблемами современной культуры, в частности культурной ролью денег, изложенной прежде всего в “Философии денег” (1900). Денежное хозяйство изменило стиль жизни, принесло с собой перевес интеллекта над чувствами, “расчетливую сущность нового времени”, рост культуры вещей при отставании культуры личностей; оно обусловило специфическое разделение труда, которое стало причиной расхождения субъективной и объективной культуры, господства

техники, увеличения дистанции между людьми. Деньги для Зиммеля – также самый совершенный представитель современной формы научного познания с редукцией качественных определений к количественным.

Использование денег как средства оплаты, обмена и расчетов превращает личные отношения в опосредованные внеличностные и частные отношения; увеличивает личную свободу, однако вызывает нивелирование всех мыслимых вещей вследствие возможности их количественного сопоставления. Зиммель критиковал ситуацию в современной культуре, когда денежная стоимость заменила другие, более глубокие значения и тем самым привела к психическому обеднению и опустошению человека. Интересы собственника устремлены на сами деньги; деньги, которые в силу своей природы могут быть только средством, становятся целью. Но использование денег способствовало рационализации и математизации повседневной жизни. Именно развитием института денег Зиммель объяснял поворот мышления к понятиям развития и движения, выражением которого в науке стала эмпирическая методология с ее отказом от безусловных истин.

Трагедия культуры была постоянной темой его размышлений. В ходе культурного развития вследствие процессов дифференциации и разделения труда субъективная культура отстает от объективной, когда культурные достижения, знания, открытия и изобретения, стили и формы культуры и т.п. все более накапливаются, развиваются и утончаются. Человек больше не в состоянии усвоить все знания своего времени; формы его жизни совершенно не соответствуют его возможностям.

Макс Вебер (1864-1920) – выдающийся социолог конца XIX – начала XX в., оказавший большое влияние на развитие социологии. Универсально образованный, он одинаково хорошо ориентировался в политэкономии, праве, социологии и философии, “выступал как историк хозяйства, политических институтов и политических теорий, религии и науки, наконец, как логик и методолог, разработавший принципы познания социальных наук”.(Гайденок П.П. Социология Макса Вебера//М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 9.)

Социология, по Веберу, так же как и психология, изучает поведение индивида или группы индивидов. Но она в отличие от психологии интересуется человеческим поведением в том случае и постольку, если и поскольку личность вкладывает в свои действия определенный смысл. Следовательно, ключевым аспектом социологии является, согласно Веберу, изучение намерений, ценностей, убеждений и мнений, лежащих в основании человеческого поведения. Для обозначения процедуры постижения смысла Вебер пользовался категорией “понимание” (Verstehen). Он предложил концепцию понимания как процедуры (метода), предваряющего и делающего единственно возможным социологическое объяснение. С помощью этого метода социологи мысленно стараются стать на место других людей и идентифицировать их мысли и чувства. В отличие от Дюркгейма Вебер считает, что социологи в качестве субъектов действия должны исследовать не формы коллективности, а отдельных индивидов, те определения, которыми они пользуются и которые формируют их модели поведения.

Важнейшим методологическим инструментом является понятие идеального типа. *Идеальный тип* – это теоретическая конструкция, используемая для определения основных характеристик социального феномена. Он не извлекается из эмпирической реальности, а конструируется как теоретическая схема. Идеальные типы – исследовательские “утопии”, не имеющие аналогов в действительности, средства для изображения индивидуальных исторических образований (в гл. 4 мы рассмотрим, как

Вебер применял понятие идеального типа при разработке модели бюрократии, а в гл. 9 – при анализе связей между кальвинизмом (протестантской этикой) и капитализмом). Вебер утверждал, что социологи обязаны устанавливать причинно-следственные связи, им необходимы строгие и недвусмысленные понятия. Понятие идеального типа дает возможность изучения конкретных исторических событий и ситуаций. Оно выполняет роль измерительной планки, с помощью которой социологи могут оценивать фактические события.

Конструкция идеальных типов, по замыслу Вебера, должна служить средством “независимого от ценностей” исследования. В своих трудах Вебер подчеркивал важность социологии, свободной от оценочных суждений. Социологи не должны позволять своим личным пристрастиям влиять на проведение научных исследований. Они должны культивировать строгий подход к изучаемым явлениям, чтобы видеть факты такими, какие он, и есть, а не такими, какими бы им хотелось их видеть.

Методологические принципы Вебера формировались в полемике с марксизмом. Признавая в Марксе выдающегося ученого, Вебер не приемлет предложенный им путь революционного преобразования капиталистического общества.

Русская социологическая мысль

В целом процесс становления социологии в России был обусловлен ходом социального развития русского общества. Период правления Александра III в России связан с началом великих реформ. Именно в этот период зарождаются основы русской социологии. Как отмечал Н.О. Лосский, “в конце XIX и начале XX века значительная часть русской интеллигенции высвободилась из плена... болезненного моноидеизма. Широкая публика начала проявлять интерес к религии... идее нации и вообще... к духовным ценностям”. (Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 197.)

Формирование социологии как науки происходило сразу в нескольких направлениях. Достаточно полно социологическая концепция русского исторического процесса была изложена представителями юридической школы Б.Н. Чичериным, К.Д. Кавелиным, А.Д. Градовским, В.И. Сергеевичем, С.А. Муромцевым, Н.М. Коркуновым; сравнительно-исторический метод в генетической социологии значительно обогатили М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Д.А. Столыпин, Н.П. Павлов-Сильванский; становлению политической социологии в России способствовали во многом Л.И. Петражицкий, П.Н. Миллюков, М.Я. Острогорский, П.А. Сорокин; школа субъективистов – Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков – оказала значительное влияние на создание современной социологии интеракционизма; развитие экономической социологии во многом определили Н.Я. Данилевский, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве; основоположником ювенильной социологии в России по праву считается С.Н. Трубецкой, а этносоциологии – М.М. Ковалевский, Л.И. Мечников и П.А. Кропоткин.

Русские социологи, стремясь к познанию социальной действительности, использовали многообразные аналитические подходы. Такие известные ученые, как П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский, в своих трудах отстаивали единство теоретической истины и этического идеала справедливости.

Михайловский был одним из первых критиков органической теории общества и социал-дарвинизма. Он разработал теорию внушения-подражания и психологии толпы. Данилевский стал основоположником теории культурно-исторических типов, которая

получила дальнейшее развитие в трудах О. Шпенглера. Работа М. Энгельгардта “Прогресс как эволюция жестокости” является одной из самых оригинальных и глубоких работ в области “реалистической интерпретации социальной эволюции”. В.С. Соловьев предпринял оригинальную попытку интерпретации контовского понятия “Великого Существа” в аспекте православной соборности. Труды по социальной философии К. Леонтьева не уступают лучшим работам Ж. де Местра и Т. Карлейля. По сути, русские социологи всех школ и направлений стремились создать всеобъемлющую универсальную модель социального познания.

Первые попытки систематического синтеза социологических идей О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса принадлежат Михайловскому – основателю “субъективной школы” в русской социологии. Туган-Барановский, Струве, Плеханов и Ленин посвятили много работ “экономическим проблемам истории и социальных явлений”. Драматическую роль в российской социологии сыграл марксизм. Широкая популярность марксистских идей в России объясняется прогрессистскими настроениями общественного сознания и верой в науку. Эволюционная теория Ч. Дарвина и представление о закономерном развитии общества произвели сильное впечатление на русскую демократическую интеллигенцию.

Русская социология конца XIX – начала XX в. не только находилась на уровне мировой науки в целом, но по некоторым направлениям предопределила ее развитие.

Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885) в книге “Россия и Европа” (1869) представлял человеческую историю разделенной на отдельные и обширные единицы – “историко-культурные типы”, или цивилизации. Он видел ошибку историков в том, что они рассматривали современный им Запад в качестве высшей, кульминационной стадии и конструировали линейную хронологию эпох (древняя – средневековая – современная) как приближающуюся к этой своей кульминации, хотя западная, или иными словами, германо-романская цивилизация – лишь одна из многих, процветавших в истории. В реальности общей хронологии для различных цивилизаций не существует: нет единого события, которое могло бы разумно разделить судьбу всего человечества на периоды, означало бы одно и то же для всех и было бы одинаково важным для всего мира. Ни одна цивилизация не является лучшей или более совершенной, каждая имеет свою внутреннюю логику развития и проходит различные стадии в только ей свойственной последовательности.

Историю творят люди, но их исторические роли различны. Существуют три типа исторических действующих лиц (агентов): 1) позитивные действующие лица истории, т.е. те общества (племена, люди), которые создали великие цивилизации – отдельные историко-культурные типы (египетскую, ассиро-вавилонскую, китайскую, индийскую, персидскую, еврейскую, греческую, римскую, арабскую и германо-романскую (европейскую); 2) негативные действующие лица истории, которые играли деструктивную роль и способствовали окончательному крушению приходивших в упадок цивилизаций (например, гунны, монголы, тюрки); 3) люди и племена, у которых отсутствует творческое начало. Они представляют лишь “этнографический материал”, используемый творческими обществами для построения собственных цивилизаций. Иногда после распада великих цивилизаций составляющие их племена возвращаются на уровень “этнографического материала” – пассивной, распыленной популяции.

Цивилизации проявляют свою творческую сущность лишь в избранных областях, т.е. концентрируются на каких-то индивидуальных, характерных только для них областях и темах: для греческой цивилизации – красота, для семитской – религия, для римской –

закон и администрация, для китайской – практика и польза, для индийской – воображение, фантазия и мистицизм, для германо-романской – наука и технология.

В судьбе каждой великой цивилизации наблюдается типичный цикл развития. Первая фаза, иногда весьма продолжительная, – это фаза возникновения и кристаллизации, когда цивилизация зарождается, принимает различные форму и образ, утверждает свою культурную и политическую автономность и общий язык. Затем наступает фаза процветания, когда цивилизация полностью развивается и раскрывается ее творческий потенциал. Эта фаза обычно непродолжительна (400-600 лет) и заканчивается, когда запас творческих сил исчерпывается. Недостаток творческих сил, застой и постепенный распад цивилизаций означают конечную фазу цикла. По Данилевскому, европейская (германо-романская) цивилизация вошла в фазу вырождения, что выразилось в нескольких симптомах: растущем цинизме, секуляризации, ослаблении инновационного потенциала, ненасытной жажде власти и доминирования над миром. Данилевский протестует против взгляда, который “признает бесконечное во всем превосходство европейского перед русским и непоколебимо верует в единую спасительную европейскую цивилизацию”, и предвидит расцвет русско-славянской цивилизации. В связи с этим большое внимание Данилевский уделяет анализу феномена “европейничанья”, который обусловил ориентацию русской политики и жизни на европейские образцы. Конкретно это выразилось в аристократизме, демократизме, нигилизме, материализме, парламентаризме, конституционализме.

Нельзя не сказать о критике Данилевским европейской русофобии, обвиняющей Россию в агрессивности, враждебности свободе и прогрессу. Он напоминает о завоевании европейскими странами тех или иных территорий и разоблачает миф о завоевательном характере формирования Российской империи, указывая, что в России “слабые, полудикие и совершенно дикие инородцы не только не были уничтожены, стерты с лица земли, но даже не были лишены своей свободы и собственности, не были обращены победителями в крепостное состояние”.

Данилевский подробно анализирует вопросы, связанные с характеристикой наций, их классификацией. Каждый народ в своем развитии переживает циклические стадии – рождение, молодость, дряхлость и смерть, переходит от племенного к гражданскому состоянию, проходит через различные формы зависимости – рабство, данничество, феодализм, которые вполне естественны и составляют “историческую дисциплину и аскезу народов”.

Идеи Данилевского оказали сильное влияние на К.Н. Леонтьева, П.А. Сорокина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Их отголоски слышны в идеях Л.Н. Гумилева и даже в цивилизационной концепции современного политолога.

Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) – русский философ и общественный деятель. Сочетая глубокую личную религиозность с романтическим панэстетизмом миропонимания, он выдвинул мистико-натуралистическую концепцию исторического процесса. Для него человеческая история – это история культурно-социальных целостных организмов. Закон исторической жизни такого организма тождествен природным законам органического мира и выражается в триедином процессе: восхождение от исходной простоты к “цветущей сложности”, от которой через “вторичное упрощение” и “уравнительное смешение” – к распаду и гибели. Внутренняя структура социально-исторической целостности определяется началами иерархичности (“государственности”) и гуманности (как Ф. Ницше, К.Н. Леонтьев разделяет “любовь к ближнему” и “любовь к дальнему”, полагая последнюю источником абстрактного, уравнительно-

демократического гуманизма, низводящего мистическую и трагическую сущность истории до уровня удовлетворения материальных потребностей человека). Период роста и расцвета цивилизации сопровождается глубоким культурным осознанием связанности человеческой судьбы с божественным предназначением. “Упрощение” социально-культурного организма сопровождается господством демократии, принципа пользы, “мельчанием” духовной культуры, “вымыванием” этических, религиозных начал. Принцип свободной воли, индивидуального постижения и осознания подменяется принципом атомарной индивидуальности, стремящейся освободиться от духовных обязанностей, от высшего долга в пользу удовлетворения своих собственных запросов. Леонтьев констатирует пребывание современной европейской цивилизации в стадии “вторичного упрощения” и “уравнительного смешения”, разрушающих социально-культурную иерархию ценностей и выражающихся в своего рода “аристократическом персонализме” христианства. Он полагает, что российское общество способно избежать подобного состояния при условии искусственной консервации специфических социально-политических, национально-психологических и духовных устоев православия и монархизма.

Петр Лаврович Лавров (1823-1900) считал, что социология теснейшим образом связана с историей. Предмет социологии – формы проявления солидарности в обществе, предмет истории – прогрессивно изменяющиеся, неповторимые явления. П.Л. Лавров рассматривал историю как процесс, происходящий на основании реализации человеческих потребностей: основных (биосоциальных – питания, безопасности, нервного возбуждения), временных (государственно-правовых и религиозных форм объединения), потребности развития (“историческая жизнь”). Цель исторического процесса – развитие солидарности, в ходе истории приобретающей все более разумные и целенаправленные формы. Отсюда – характерный строй социального знания, основанного на единстве материализма, антропологизма и позитивизма. Антропологизм социального знания реализуется в “субъективном методе” как основе научной разработки разумного идеала будущего общественного устройства. “Мысль реальна лишь в личности”, следовательно, действительной силой исторического движения является “критически мыслящая” личность. При этом сущность истории – в усилении солидарности, т.е. в создании устойчивого и сбалансированного социального целого, общечеловеческой цивилизации.

Социологическому исследованию, по его мнению, подлежат: проточеловеческие сообщества, в которых выработалось индивидуальное сознание; существующие формы человеческого общежития; общественные идеалы как основа солидарности и справедливого общества; практические задачи, вытекающие из стремления личности осуществить свои идеалы.

Социолог должен практиковать субъективный метод, т.е. уметь стать на место страждущих членов общества, а не бесстрастного постороннего наблюдателя общественного механизма.

Ведущей силой, “органом прогресса является личность, характеризующаяся критическим сознанием, стремлением к изменению застывших общественных форм”. В качестве побудительных причин деятельности человека Лавров называет обычай, аффекты, интересы и убеждения. С возникновением критически мыслящих личностей начинается историческая жизнь человечества.

Лавров намечает следующие фазы борьбы за прогресс в обществе: появление отдельных провозвестников новых идей; открытое выступление против царящего зла героических одиночек – эпоха мученичества и жертв; организация партий, позволяющих одиночкам

критически мыслящим личностям превратиться в реальную силу путем завоевания на свою сторону “неизбежного союзника”, “реальной почвы партии” – широких народных масс.

С 1880-х гг., отойдя от крайностей субъективной социологии, Лавров начинает рассматривать личность и как члена “коллективного организма”. В связи с этим меняется и трактовка социального прогресса, понимаемого не только как результат деятельности критически мыслящей личности, но и как “усиление и расширение общественной солидарности”, достижение которой во всех сферах общественной жизни – экономике, политике, нравственности, интеллектуальной деятельности – “единственная возможная цель прогресса”.

Богдан Александрович Кистяковский (1868-1920) цель социологии видел в создании “работающих” понятий, таких, как “общество”, “личность”, “социальное взаимодействие”, “толпа”, “государство”, “право” и т.д. Как теоретическая наука социология призвана объяснить саму идею и способы функционирования “власти” в государстве. При этом Кистяковский приходит к выводу, что идея власти в полном объеме недоступна рациональному познанию и может быть осмыслена лишь методами художественно-интуитивного познания. Однако для социологии достаточно констатировать, что сама идея власти и связанные с ней понятия господства и подчинения являются результатом психологического взаимодействия индивидов.

Будучи сторонником “методологического плюрализма”, Кистяковский считал, что в обществе одни элементы подчиняются законам причинности, другие – принципам телеологии. Иногда они функционируют независимо друг от друга, иногда пересекаются, усложняя тем самым социальную жизнь, Большую роль в “нормальном обществе” играют элементы культуры, которые превращают власть и все ее атрибуты в элементы “коллективного духа” (т.е. общественного сознания). В противном случае в обществе преобладает правовой нигилизм, чреватый социальными потрясениями. По этой причине Кистяковский критиковал попытки заменить социальные понятия понятиями нравственности (в частности, идею В. Соловьева о государстве как “организованной жалости”).

Николай Константинович Михайловский (1842-1904) утверждал, что нельзя относиться к обществу как агрегату физических тел и явлений. В отличие от естествоиспытателя социолог не может строить свою науку – науку об обществе – беспристрастно, так как объектом этой науки является чувствующий человек, реальная личность, поэтому социолог-наблюдатель не может не ставить себя в положение наблюдаемого. Михайловский был ярко выраженным индивидуалистом, для которого критерий блага реальной личности стал краеугольным камнем всей системы социологических воззрений. Личность и общество, по Михайловскому, дополняют друг друга: всякое подавление личности наносит вред обществу, а подавление общественного – вред личности.

Михайловский считал, что органицизм печется о благе общества-организма, дарвинистская социология – о благе вида, марксизм – о благе класса, а интересы индивида, реальной личности отодвигаются всеми этими теориями на второй план.

Против органической теории Михайловский выступил в статьях “Аналогический метод в общественной науке” и “Что такое прогресс?” Он был противником перенесения биологических законов на общество, противником теории эволюции Спенсера, рассматривающей общество как единый организм, а личность – как клетку этого

организма. Эволюционное развитие общества английский социолог связывал с разделением труда и специализацией. Михайловский же, будучи сторонником субъективного телеологизма, считал, что разделение труда развивает одни способности человека за счет других, каждый обладает лишь малой частицей навыков и знаний. Специализация ведет к обеднению личности, оскудению человеческой жизни. “Специализированный” человек перестает существовать как целостная личность, живет во фрагментарном мире.

Михайловский отрицал возможность “высшей гармонии” в обществе-организме, если при этом человека превращают в средство для процветания этого организма. Развитие по “органическому” пути с его разделением труда превращает реальную личность в “палец ноги”. Для Михайловского желательно, чтобы общество пошло по пути развития “надорганического”, когда широта и целостность личности обеспечиваются не разделением труда, а “кооперацией простого сотрудничества”.

Отрицательно относился Михайловский и к социал-дарвинизму, о чем свидетельствуют его статьи “Теория Дарвина и общественная наука”, “Дарвинизм и оперетки Оффенбаха”. Признание действия в человеческом обществе закона борьбы за существование означает, что критерием совершенства является приспособленность человека к среде, т.е. выживают и улучшают вид только сильные и приспособленные, а остальные обречены на гибель. Подобные положения Михайловский считал “возмутительными”. Прогресс не есть приспособление к среде. Лучше всего в человеческом обществе к среде приспособляется “сплоченная посредственность”, выживают прагматики, гибнут идеальные личности.

Михайловский полагал, что в социологии следует пользоваться не только объективным, но и субъективным методом исследования, категориями нравственного и справедливого. В реальном мире необходимо действовать в соответствии с целями и “общим идеалом”, а не переносить механически на человеческое общество природные законы причинности. Только определив цель, можно установить пути практической деятельности. Пренебрежение к целям и идеалам неизбежно ведет к ультраиндивидуализму, к взгляду на жизнь как на процесс, где каждый думает только о себе, не стремясь к социальному идеалу, а тем самым – ни к собственному совершенству, ни к совершенству общества в целом. Объективизм есть позиция чистого разума, субъективизм – нравственный суд свободной воли, причем одно не исключает, а дополняет другое. Формула прогресса Михайловского включает субъективно-этический момент, поскольку справедливым и разумным считается только то, что приближает личность к ее всестороннему развитию и целостности.

Петр Бернгардович Струве (1870-1944) – видный теоретик “легального марксизма”, считал, что цель общественного развития – всесторонне развитая личность, а общественная организация – средство достижения этой цели, если “современное культурное человечество” хочет идти путем прогресса. Социальный прогресс не тождествен экономическому, примат экономики над социологией, политикой, правом является, по Струве, неверной точкой зрения. В эмпирическом мире есть только один субъект – человеческая личность. Поэтому при решении любых политических вопросов необходимо исходить из признания естественных, неотъемлемых прав личности, которые должны стоять выше прав любого коллективного целого, “как бы оно ни было организовано и какое бы наименование оно ни носило”.

Единственно возможной формой общественного прогресса, по мнению Струве, является путь реформ. Революции в истории человечества меняли только политическую

надстройку, кроме того, они были связаны с насилием над личностью, разрушением хозяйственных и нравственных устоев общества. В отличие от революции реформы решают проблемы хозяйственной и экономической жизни страны в условиях строгой государственной регламентации происходящих процессов, без произвола и насилия, с обеспечением всех прав и свобод личности.

Работы Струве “Метафизика и социология”, “Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности” определяют социологию как исследование системы “свободного взаимодействия между единичными конкретными существами, носителями спонтанной активности”.

Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) – один из виднейших представителей социологов-классиков, оказавший большое влияние на развитие всей социологии XX в. Иногда Сорокина называют не русским, а американским социологом. Действительно, хронологически “русский” период его деятельности жестко ограничен 1922 г.– годом его высылки. Однако становление взглядов Сорокина как социолога, а также его политической позиции происходило именно на родине, в условиях войн, революций, борьбы политических партий и научных школ. В основном труде “русского” периода, двухтомной “Системе социологии” (1920), он формулирует теоретические основы теории социальной стратификации и социальной мобильности (эти термины им же и были введены в научный оборот).

Основой социологического анализа Сорокин считал социальное поведение, социальное взаимодействие. Взаимодействие индивидов он определяет в качестве родовой модели и социальной группы, и общества в целом. Социальные группы делятся им на организованные и неорганизованные, причем особое внимание уделяется анализу иерархической структуры организованной социальной группы. Внутри групп существуют страты (слои), выделяемые по экономическому, политическому и профессиональному признакам. Сорокин утверждал, что общество без расслоения и неравенства – миф. Меняться могут формы и пропорции расслоения, но суть его постоянна. Стратификация существует и в недемократическом обществе, и в обществе “процветающей демократии”.

Наряду со стратификацией Сорокин признает наличие в обществе и социальной мобильности двух типов – вертикальной и горизонтальной. Социальная мобильность означает переход из одной социальной позиции в другую, своеобразный “лифт” для перемещения как внутри социальной группы, так и между группами. Социальная стратификация и мобильность в обществе предопределены тем, что люди не равны по своим физическим силам, умственным способностям, наклонностям, вкусам и т.д., а кроме того, самим фактом их совместной деятельности. Совместная деятельность с необходимостью требует организации, а организация немыслима без руководителей и подчиненных. Поскольку общество всегда стратифицировано, то ему свойственно неравенство, но это неравенство должно быть разумным.

Общество должно стремиться к такому состоянию, при котором человек может развивать свои способности, и помочь обществу в этом могут наука и чутье масс, а не революции. В работе “Социология революции” (1925) Сорокин называет революцию великой трагедией. Революция сопровождается насилием и жестокостью, сокращением свободы, а не ее приращением. Она деформирует социальную структуру общества, ухудшает экономическое и культурное положение рабочего класса. Единственным способом улучшения и реконструкции социальной жизни могут быть только реформы, проводимые правовыми и конституционными средствами. Каждой реформе должно предшествовать

научное исследование конкретных социальных условий, и каждая реформа должна предварительно “тестироваться” в малом социальном масштабе.

В своих поздних работах (“Социальная философия в век кризиса”, “Альтруистическая любовь”, “Изыскания в области альтруистической любви и поведения”, “Власть и нравственность” и др.) Сорокин проповедует идеи альтруистической любви, нравственного возрождения, этической ответственности и солидарности, культурных ценностей, т.е. те идеи, которые определяли этико-нравственную направленность русской социологической мысли в целом. (Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология в вопросах и ответах. М., 1999. С. 16-28.)

Современные социологические теории

Толкотт Парсонс (1902-1979) – один из наиболее значительных социологов второй половины XX в., наиболее полно сформулировал основы функционализма. Как и Э. Дюркгейм, Т. Парсонс в своих трудах значительное внимание уделял проблеме социального порядка. Он исходил из того, что для социальной жизни более характерны “взаимная выгода и мирная кооперация, чем взаимная враждебность и уничтожение” и только приверженность общим ценностям обеспечивает основу порядка в обществе. Свои взгляды он иллюстрировал примерами коммерческих сделок. При осуществлении сделки заинтересованные стороны составляют контракт, в основе которого лежат нормативные правила. По мнению Парсонса, страх санкций за нарушения правил недостаточен, чтобы заставить людей следовать им безусловно, главное – моральные обязательства. Поэтому правила, регулирующие коммерческие сделки, должны вытекать из общепризнанных ценностей. Следовательно, порядок в экономической системе основывается на общем согласии относительно коммерческой морали. Сфера бизнеса, как и любая другая составляющая часть деятельности общества, по утверждению Парсонса, с необходимостью является и сферой морали.

Консенсус в отношении ценностей – фундаментальный интегративный принцип в обществе. Из общепризнанных ценностей вытекают общие цели, которые определяют общее направление движений в конкретных ситуациях. Так, в западном обществе работники конкретной фабрики разделяют цель эффективного производства, которая следует из общего взгляда на экономическую продуктивность. Общая цель становится побудительным мотивом для сотрудничества. Средствами воплощения ценностей и целей в действия являются роли. Любой социальный институт предполагает наличие целой комбинации ролей, содержание которых можно выразить посредством норм, определяющих права и обязанности применительно к каждой конкретной роли. Нормы стандартизируют и упорядочивают ролевое поведение, обеспечивают его предсказуемость, что создает основу для социального порядка.

Полагая, что консенсус представляет собой важнейшую общественную ценность, Парсонс считает главной задачей социологии анализ институционализации образцов ценностных ориентации в социальной системе. Когда ценности институционализированы и поведение структурировано сообразно им, возникает стабильная система – состояние “социального равновесия”. При этом есть два пути достижения социального равновесия: социализация, посредством которой общественные ценности передаются от одного поколения к другому (важнейшие институты, которые выполняют эту функцию, – семья, образовательная система); создание разнообразных механизмов социального контроля.

Парсонс, рассматривая общество как систему, считает, что любая социальная система должна отвечать четырем основным функциональным требованиям:

1. adaptation (адаптация), касающаяся отношений между системой и ее средой: чтобы существовать, система должна располагать определенной степенью контроля над своей средой, для общества особое значение имеет экономическая среда, которая должна обеспечить людям необходимый минимум материальных благ;
2. goal attainment (целестремление) выражает потребность всех обществ устанавливать цели, на которые направляется социальная активность;
3. integration (интеграция) относится к координации частей социальной системы. Главным институтом, посредством которого реализуется эта функция, является право. При помощи правовых норм упорядочиваются отношения между индивидами и институтами, что уменьшает потенциал конфликта. Если конфликт все же возникает, то его следует улаживать через правовую систему, избегая дезинтеграции социальной системы;
4. latency (удержание образца) предполагает сохранение и поддержание основных ценностей.

Рассмотренную структурно-функциональную сетку Парсонс применял при анализе любого социального явления.

Консенсус и стабильность системы не означает, что она не способна к изменениям. Напротив, на практике ни одна социальная система не находится в состоянии идеального равновесия, хотя определенная степень равновесия необходима для ее жизнеспособности. Поэтому процесс социального изменения можно представить как “подвижное равновесие”. Так, если изменится взаимоотношение общества со средой, то это приведет к переменам в социальной системе в целом. Процесс “подвижного равновесия” может затрагивать не только части, но и все общество.

Альфред Шюц (1899-1959) – австрийский социолог, первым попытался объяснить, как можно использовать феноменологию для проникновения внутрь социального мира. По Шюцу, способ, с помощью которого люди классифицируют и придают значение окружающему их миру, не является сугубо индивидуальным процессом. Люди используют то, что социолог назвал “типизация” – понятие, обозначающее класс предметов, которые они выражают. Так, “банковский служащий”, “футбольный матч”, “дерево” – все это примеры типизации. Типизации не являются уникальными для каждого отдельного человека; напротив, они воспринимаются членами общества, передаются детям в процессе изучения языка, чтения книг и разговора с другими людьми. Используя типизации, люди могут вступать в общение с другими людьми, будучи уверены, что те видят мир таким же образом. Постепенно член общества создает запас “знания здравого смысла”, который разделяют и другие члены общества, что позволяет им жить и общаться. Социолог считал это крайне важным для выполнения практических задач повседневной жизни, подчеркивал, что, хотя знанием здравого смысла руководствуется подавляющее большинство членов общества, оно не является раз и навсегда данным, неизменным. Напротив, знание здравого смысла постоянно изменяется в процессе интеракции, а каждый индивид по-своему интерпретирует мир, но запас знания здравого смысла позволяет понимать, по крайней мере частично, действия других.

Наиболее своеобразно положения феноменологической социологии Шюца были восприняты двумя различными школами. Первую из них – школу феноменологической социологии знания – возглавили *Путер Бергер* (р. 1929) и *Томас Лукман* (р. 1927);

вторую, получившую название “этнометодология” (термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином “этнонаука” – зачаточные знания в примитивных обществах), – *Гарольд Гарфинкель* (р. 1917).

П. Бергера и Т. Лукмана отличает от Шюца стремление обосновать необходимость “узаконения” символических универсалий общества. Развиваемая этими американскими социологами теория “легитимизации” исходит из того, что внутренняя нестабильность человеческого организма требует “создания самим человеком устойчивой жизненной среды”. Поэтому они говорят об институализации значений и моделей действия человека в “обыденном мире”. Символические значения рассматриваются как основа социальной организации и большее внимание уделяется значениям, вырабатываемым членами общества совместно и стоящим как бы “над” индивидом. Реальная основа этих значений – в религиозных верованиях, разделяющихся каждым. Следовательно, общество оказывается таким социальным окружением индивида, которое он сам создает, внося в него определенные “настоящие” ценности и значения, которых впоследствии и придерживается. Эти значения развиваются и объективируются в социальных институтах, позволяя индоктринировать новых членов общества, вынужденных подчиняться этим “вне-меня-надо-мною” ценностям.

Джордж Каспар Хоманс (р. 1910) – американский социолог. Подчеркивая важность психологии при объяснении социального мира, он тем самым порывает с “социологизмом” Э. Дюркгейма. Социальное действие Дж. Хоманс трактует как процесс обмена, участники которого стремятся максимизировать выгоду (материальную или нематериальную) и минимизировать затраты. По мнению Хоманса, это положение распространяемо на все поведение людей. Он предполагает существование социальных структур, названных им структурами обмена, причем функционализм и экономическая теория достаточно подробно и хорошо описывают эти структуры, но объяснить их неспособны, поскольку такое объяснение может быть основано только на принципах, руководящих психологией участников обмена. Хоманс находит эти принципы в бихевиоризме психолога Берреса Скиннера, который считал человеческое поведение “оперантным”, т.е. тождественным инстинктивному поведению животных и предполагающим реакцию на такой регулятор, как взаимное подкрепление в процессе общения.

Изменение взгляда на социальное действие предполагает и изменение взгляда на социальную систему. В отличие от Т. Парсонса социальные системы у Хоманса состоят из индивидов, находящихся в непрерывном процессе материального и нематериального обмена друг с другом. Для объяснения этого процесса Хоманс разработал пять взаимосвязанных положений, основанных на психологическом бихевиоризме:

1. положение успеха, которое состоит в том, что все действия человека подчинены основному правилу: чем чаще отдельное действие индивида вознаграждается, тем чаще он стремится производить это действие;
2. положение стимула, которое описывает отношения между стимулом успешного действия и его повторением. Если какой-либо стимул (или совокупность стимулов) привели к действию, которое оказалось успешным, то в случае повторения этого стимула или подобного ему индивид будет стремиться повторить действие;
3. положение ценности, согласно которому чем более ценно для индивида достижение определенного результата, тем более он будет стремиться произвести действие, направленное на его достижение;

4. положение “насыщения – голодания”, в соответствии с которым чем чаще в прошлом индивид получал особое вознаграждение, тем менее ценным будет для него повторение подобной награды;
5. положение “агрессии – одобрения”: если индивид не получает вознаграждения, на которое он рассчитывал, или получает наказание, которого не предполагал, то он стремится продемонстрировать агрессивное поведение и результаты такого поведения становятся для него ценными. Наоборот, если индивид получает ожидаемое вознаграждение, особенно если оно больше, чем то, на которое он рассчитывал, или не получает наказания, которое он предполагал, то он стремится демонстрировать одобряемое поведение и результаты такого поведения становятся для него ценными.

Этот набор из пяти положений объясняет, по Хомансу, поведение человека в любой ситуации. Хоманс пытается экстраполировать эти положения на объяснение всех социальных процессов. Теория социального обмена Хоманса – очень рационализованная модель человеческого поведения, детерминированного внешними обстоятельствами и внутренними мотивами. При этом рациональность действия заключена не в сознательном выборе людей (как у Парсонса), а в следовании правилам социального обмена, т.е. свобода человека оказывается лишь “иллюзией выбора”, подчиненного психологическим правилам.

Гарольд Гарфинкель (р. 1917) – автор термина “этнометодология”. Этнометодологи изучают методы, с помощью которых люди воспроизводят социальный мир. Представители этого направления отчасти заимствовали социологический подход, развитый Шюцем. Социальная жизнь упорядочена только потому, что члены общества активно заняты приданием смысла социальной жизни. По словам Д.Х. Зиммермана, главный смысл этнометодологии состоит в том, чтобы объяснить, “как члены общества справляются с задачей видения, описания и объяснения порядка в мире, где они живут”, особое внимание уделяя исследованию технических приемов, используемых членами общества для решения этой задачи.

Г. Гарфинкель исходит из того, что для осмысления социального мира, придания ему упорядоченного вида члены общества в повседневной жизни используют так называемый документальный метод. Суть его состоит в выборе конкретных аспектов бесконечного множества характеристик, содержащихся в любой ситуации или контексте, определении их особым образом, а затем оценки их как свидетельства наличия того или иного общественного образца. Иными словами, документальный метод состоит в том, чтобы части образца (например, наличие типичных признаков явления или предмета) представить как “документ”, предполагающий существование образца.

По Гарфинкелю, в повседневной жизни люди постоянно соотносят части образца для описания ситуации в целом, а также для упорядочения социальной реальности. В целях доказательства правомерности своего метода Гарфинкель провел ряд интересных экспериментов. Опишем один из них.

Студентов психологического факультета университета пригласили принять участие в сеансе новой формы психотерапии, как им было представлено. Их попросили кратко изложить свою личную проблему, по которой они нуждались в совете, а затем задать вопросы специалисту-психотерапевту, специалист находился в соседней комнате, и участники эксперимента не могли видеть друг друга. Общение осуществлялось через переговорное устройство. При этом на вопросы студентов психотерапевт мог отвечать

только “да” или “нет”. Студенты не знали, что человек, отвечающий на их вопросы, не был психотерапевтом, а ответы “да” или “нет” были заранее predeterminedены в соответствии с таблицей случайных чисел. Несмотря на то что ответы были произвольны и не имели отношения к содержанию вопросов, студенты сочли их полезными и осмысленными. Когда же ответы казались противоречивыми или удивительными, студенты полагали, что “психотерапевт” не был осведомлен о всех фактах их случая. Так студенты конструировали порядок с помощью документального метода.

По мысли Гарфинкеля, эксперименты такого рода проливают свет на то, как люди в целом в своей повседневной жизни постоянно конструируют и упорядочивают социальный мир. Этот эксперимент также иллюстрирует центральную идею этнометодологии – идею “индексации”, согласно которой смысл любого предмета или поведения обусловлен его контекстом, является “индексированным” в конкретной ситуации. В результате любая интерпретация или объяснение членов общества их повседневной жизни осуществляется со ссылкой на конкретные обстоятельства или ситуации. Так, студенты осмысливали ответы “психотерапевта” исходя из конкретной ситуации: они находились в университете и были уверены, что имеют дело с настоящим психотерапевтом. Если бы те же ответы на те же вопросы были получены в иной ситуации, скажем в кафе, и в роли психотерапевта выступал их коллега, то результаты интерпретировались совсем по-другому. В этой связи Гарфинкель делает вывод, что смысл любого действия можно рассматривать только в определенном контексте. (*Haralambos M., Holborn M. Sociology. Themes and Perspectives. Collins Educational. L., 1993.*) Отсюда следует программное положение этнометодологии: черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении. Гарфинкель концентрирует свое внимание на исследовании единичных (“уникальных”) актов социального взаимодействия, отождествляемого с речевой коммуникацией. С его точки зрения, основная задача социологии – выявление рациональности обыденной жизни, противопоставляемой рациональности научной. Он критикует методы традиционной социологии как искусственное наложение готовых схем на реальное человеческое поведение.

Энтони Гидденс (р. 1938), британский социолог, пытается преодолеть традиционное для социологии разделение структуры и действия, соответствующее двум подходам к анализу общества: в первом подходе внимание акцентируется на том, как структура общества влияет на поведение людей, во втором – на том, как создается общество через действия людей. Отправной пункт предлагаемой им парадигмы достаточно прост. Гидденс считает, что ни структура, ни действие не могут существовать независимо друг от друга. Социальные действия создают структуры, и только через социальные действия осуществляется воспроизводство структур. Для описания взаимодействия структур и социальных действий Гидденс использует термин “structuration” (структурация). Он обращает внимание на “двойственность структуры”, имея в виду, что структуры делают возможным социальное действие, а социальное действие создает эти же самые структуры. Это положение Гидденс иллюстрирует на примере соотношения языка и речи. Язык – это структура, состоящая из правил общения, которая кажется независимой от любого индивида. Чтобы язык сохранился, на нем должны говорить и писать согласно существующим правилам. Язык изменяется: появляются новые слова, забываются старые. Таким образом, люди своими действиями могут трансформировать и воспроизводить структуры.

В социальной жизни Гидденс различает два вида структур: правила и ресурсы. Под правилами имеются в виду процедуры, которым индивиды могут следовать в социальной жизни. Иногда интерпретации этих правил обретают письменную форму, например законы или бюрократические правила. Структурные правила могут воспроизводиться

членами общества или меняться путем создания новых образцов правил через интеракцию, через действия. Второй вид структуры – ресурсы – также возникает только в результате человеческой деятельности и может изменяться или поддерживаться людьми. Ресурсы могут быть локализованными или властными. Первые включают в себя полезные ископаемые, землю, инструменты производства и товары и не существуют вне человеческой активности. Так, земля не является ресурсом до тех пор, пока ее кто-то не обрабатывает. Властные ресурсы (нематериальные) проявляются в способности одних индивидов доминировать над другими, заставляя их выполнять свои желания, и в этом смысле люди становятся ресурсами, которые могут быть использованы другими людьми. Властные ресурсы могут существовать лишь в том случае, если они воспроизводятся в процессе человеческой интеракции. Власть не является чем-то, что человек имеет, до тех пор пока он ею действительно не пользуется.

Гидденс, объясняя природу социальных систем, институтов, представляет социальную систему как образец социальных отношений, существующий в определенное время и в определенном пространстве. Такие институты, как государство или бюрократия, рассматриваются социологом в качестве образцов поведения, действующих какой-то период времени. Ввиду “двойственности структуры” системы и институты тесно связаны с деятельностью людей, которых Гидденс зачастую называет агентами, подразумевая при этом их изначально активную позицию в обществе. По Гидденсу, структура влияет на человеческое поведение благодаря знанию об обществе, которым располагают агенты. В обществе есть большой объем “общего знания” о том, как вести себя и как поступать с вещами. Это позволяет агентам ориентироваться в повседневной жизни и оперировать окружающими предметами. В своем поведении агенты используют знание правил общества, которые существуют в его структуре, пользуются материальными и властными ресурсами, являющимися частями структуры общества.

Гидденс полагает, что люди наделены стремлением к определенной степени стабильности в социальной жизни. У них есть потребность к “онтологической безопасности” или “уверенности в том, что природа и социальный мир останутся такими, какие они есть”; возможно, это связано с естественной заботой о физическом сохранении тела. По Гидденсу, “существование общего знания и потребность в онтологической безопасности способствуют производству предписанных образцов в социальной жизни. Образцы поведения повторяются, и таким образом структуры общества, социальная система и институты воспроизводятся. Однако в этом процессе заключена всегда присутствующая возможность, что общество может меняться. Агенты не должны вести себя так, как это делают другие, не обязательно они должны всегда и во всем действовать сообразно своим прежним установкам”. Люди постоянно думают, что они делают, и оценивают, достигаются ли их цели. Если они не достигаются, агенты могут начать вести себя иначе. Образцы взаимодействия при этом могут меняться, а с ними и социальная структура. Для социолога само понятие “агент” предполагает людей, способных трансформировать окружающий их мир посредством своих действий, а также воспроизводить его, что, однако, не связано с обязательной трансформацией всего общества.

Представление о двойственности структуры, по мнению Гидденса, позволяет разрешить спор между детерминистами, которые верят, что человеческое поведение всецело зависит от внешних сил, и волюнтаристами, считающими, что люди, обладая свободной волей, действуют только в соответствии со своими желаниями. Ни первые, ни вторые в принципе не правы, но в каждой позиции есть элементы истины. Он полагает, что только в исключительных обстоятельствах, когда используется непосредственная физическая сила, люди не свободны в своих действиях. Во всех остальных случаях, даже тогда, когда люди

заявляют, что у них нет выбора, на самом деле у них есть возможность сделать что-то иначе.

В обществе поведение людей, по Гидденсу, безусловно, сдерживается наличием властных отношений, ибо все социальные действия так или иначе связаны с этими отношениями. При этом он рассматривает власть как инструмент, с помощью которого агенты-люди могут изменить положение вещей или действия других людей (сдерживать их или ограничить их свободу). В то же время власть увеличивает свободу действий тех агентов, которые ею обладают, – то, что ограничивает одного, позволяет другому действовать более разнообразно.

Чтобы социология смогла преодолеть разрыв между действием и структурой, потребуются, заявляет Гидденс, новые исследования возможностей воспроизведения структуры под влиянием целенаправленных действий людей-агентов. (*Haralambos M., Holborn M. Sociology. Themes and Perspectives. Collins Educational. L., 1993.*)

Пьер Бурдьё (р. 1930) – современный французский социолог, автор одного из наиболее интересных подходов в современной французской социологии, элементы которого складывались из структуралистского марксизма под влиянием “философии символических форм” Э. Кассирера.

Бурдьё называет свое учение философией действия, потому что понятие действия является в ней центральным, и подчеркивает отличие своей теории общества от холистских и структуралистских представлений, которые в конечном счете сводят роль акторов к взаимодействию структур. Он признает, что на основе структурного анализа можно адекватно понимать объективные обстоятельства, не впадая в заблуждение, обобщать отдельные случаи или объяснять их с субъективной точки зрения. Структурализм принуждает к реляциональному мышлению в отличие от субстанциализованного мышления. Структурный анализ осуществляется “независимо от объекта”, исследует “систему объективных отношений”, которая обуславливается экономикой и морфологией групп, определяя ее как структуру (первого порядка), т.е. как систему ковариантов, посредством которой одна система связей трансформируется в другую. “Структура” в структурализме – это система связей между определяющими элементами некой совокупности. Идеалом выступает формализованная модель по аналогии с символами и операторами математических моделей. Целью структурного анализа является установление структурных гомологии, т.е. сравнение групп с эквивалентным положением в обществе путем выявления трансгисторических и транскультурных признаков этих групп.

Бурдьё минует данные пределы, считая этот предварительный объективизм необходимостью, чтобы на его основании определить практические условия. Центральная проблема у Бурдьё – установление соотношения между познанием и действием, которое в исследовании становится соотношением между субъектом и объектом. Он считает, что все попытки прямого понимания означают абсолютное положение Я наблюдателя и что объективирование посредством структурного анализа приближает чуждое, хотя внешне его отдаляет. Целью познания у него становится понимание посредством объективирования. Так, дологическая логика практических действий, например ритуалов, не может быть понята путем “вживания” наблюдателя, обремененного рациональной логикой, а будет более “осязаемой” посредством дистанцирования и объективирования, хотя объективизм и лишает действительность динамики. Однако она является опытом, а не моментальным снимком.

В один ряд с феноменологическим и объективистским способами теоретического познания социального мира Бурдьё ставит праксеологическое познание, в то же время диалектически преодолевая его. Его целью является обнаружение не объективных структур как таковых, а “структурированных структур, которые способны выступать как структурирующие структуры”.

Понятие практики, выдвигаемое Бурдьё, имеет определенное сходство с понятием жизни в прагматизме. Оно берет свое начало в отказе от предположения, что всякое мышление возможно лишь как языковое или подобного рода логическое мышление. Практика для Бурдьё определяется диалектикой объективных структур и глубоко усвоенных структур (“укорененность” в культуру), причем “диалектика” показывает, что глубоко усвоенные структуры нельзя полностью объяснить исходя из объективных структур, но и объективные структуры нельзя выводить из намерений действующих в них. Глубоко усвоенные структуры Бурдьё трактует как систему диспозиций и подобным образом определяет и праксеологическое познание как диалектическое соотношение между объективными структурами, с одной стороны, и системой диспозиций, которые их актуализируют и воспроизводят, – с другой.

Систему органических или ментальных диспозиций и неосознаваемых схем мышления, восприятия и действия он именуется “габитус” (*habitus*). Тем самым Бурдьё преодолевает и объединяет объективизм и субъективизм; габитус устанавливает связь между структурой и практикой посредством “диалектики между интериоритетом и экстериоритетом”.

“Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла”. (Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. М., 1994. С. 193-194.)

Практика, так же как теория самой практики, есть продукт диалектических отношений между ситуацией и габитусом, понимаемым как система длительных диспозиций.

Действие у Бурдьё не определяется напрямую только экономическими условиями, на него накладывает свой отпечаток форма габитуса. Социальный класс определяет нечто большее, чем его экономическое положение и место, он отличается также символически вследствие разных форм габитуса, демонстрируемых индивидами, а всякая общественная практика формируется и тем и другим. Индивиды сохраняют в себе теперешнее и прежнее положение в социальной структуре в виде форм габитуса, которые включают как социальную личность со всеми ее диспозициями, так и указания на общественную позицию.

Хотя действия акторов, согласно Бурдьё, мотивируются интересами, само понятие интереса – сложное и неоднозначное. Его можно понимать широко – как указание на то, что всякая конечная цель действия может рассматриваться как интерес, если актор ее преследует в ущерб чьим-то другим интересам. Более узкое понимание интереса коррелируется с понятиями престижа, богатства или власти. Бурдьё предпочитает именно такую трактовку, понимая под интересом стремление к материальной выгоде. Но, рассматривая эту “выгоду”, он пользуется экономической терминологией для обозначения вещей не экономического порядка в строгом смысле слова. Фактически у Бурдьё понятие

“интерес” означает стремление к господству: социальная жизнь предстает как постоянная борьба за господство над другими.

Специфику анализа стремления к господству у Бурдьё составляет описание типов и форм его реализации. Для этого он вводит два понятия: капитал экономический и капитал культурный. Первое из этих понятий не вызывает затруднений: богатый всемогущ. Придание культуре статуса капитала, по Бурдьё, означает, что культура, как и экономический капитал, приносит выгоду, которая не исчерпывается экономическим обогащением, даже если оно тоже имеет место (например, понятие “рентабельность диплома”). Культура – это “символический капитал”. Иными словами, культура превращается в средство достижения господства благодаря существованию в обществе противоположности между культурой легитимной и нелегитимной. Бурдьё больше интересуется легитимная культура: он пытается раскрыть механизмы социального господства на основе исследования легитимной культуры и ее связи с экономическим капиталом.

Бурдьё указывает, что экономический капитал заметно влияет на содержание культуры: чтобы построить Версаль, нужно было обладать средствами; чтобы играть в теннис, тоже нужны средства, т.е. культурная деятельность требует средств и доступна индивидам в той мере, в какой они обладают для этого средствами. Таким образом, экономический капитал, будучи распределен неравномерно, допускает существование “привилегированных” видов занятий, которые могут служить выражением господства (успеха в борьбе). Здесь Бурдьё ссылается на М. Пруста, который говорил о двух категориях отношения к культуре: первое – искреннее, второе – наигранное, поскольку направлено на получение выгоды и господства. У Бурдьё ко второй категории относится весь мир, даже если он иногда показывает, что он имеет собственный интерес к явлениям культуры.

Однако равный экономический капитал не всегда обуславливает равную культурную практику. Бурдьё допускает автономию культурной практики по отношению к экономическим средствам, поскольку определенные социальные категории, обладающие одинаковыми экономическими средствами, имеют разную культуру. Люди различаются по культурной практике, поскольку обладают неодинаковым культурным капиталом, так же как господа и трудящиеся различаются в культурной жизни, потому что обладают разным экономическим капиталом. Но отсюда нельзя делать вывод, что при равных экономических возможностях наступит общее культурное равенство. В то же время культурная практика выражает не только экономические возможности (Версальский дворец обладает стилистической автономией по отношению к вложенному в него экономическому капиталу).

Бурдьё считает, что культурная практика обусловлена культурным капиталом. Вероятно, можно сказать, что существует культурный капитал, обуславливающий культурную практику так же, как и экономический капитал, но такая концепция имеет только ограниченный смысл: малодоступность средств исключает возможность выбора, но при равных средствах появляется такая возможность. Ясно, для того чтобы читать “Критику чистого разума”, нужен культурный багаж, необходимый для ее понимания, Бурдьё пытается предугадать одни культурные практики исходя из других (например, защиты диплома). Но он только высвечивает черты сходства между определенными типами культурной практики, и такое сходство всегда только частичное. Категории Бурдьё не позволяют объяснить, почему при равном экономическом капитале одни семьи обладают “культурным капиталом”, а другие не обладают.

Экономические условия он рассматривает скорее как “привилегию”, позволяющую богатым делать то, что остается недоступным для масс, которые поэтому чувствуют себя обделенными. Бурдьё говорит об удвоении благ через их символическое бытие наряду с их экономическим существованием. Символический капитал, знаки различий и дистанцирующие действия позволяют индивидам отграничиться друг от друга, усилить экономические различия, кроме которых действуют и другие принципы различения. В современном обществе господствующий класс доминирует благодаря не только экономическому капиталу, но и символическому; по мнению Бурдьё, наряду с предпринимателями к господствующему классу принадлежат и интеллектуалы.

Знаки различия (например, титулы, одежда, язык) посредством понятийного объединения “отмеченных” подобным образом создают в то же время различия между группами. Для господствующих символический капитал представляет собой капитал доверия, кредит и, так же как экономический, дает “власть для осуществления признания власти”.

Бурдьё проводит различие между “прямым” экономическим насилием и символическим насилием, т.е. приукрашенным, измененным до неузнаваемости, даже признанным, которое действует путем присвоения форм габитуса, но требует постоянного участия господствующих для поддержания символического господства. При этом в ходе общественного развития, в той мере, в какой действуют объективные механизмы (саморегулирование рынка, социальные институты и т.п.), которые сами производят необходимые диспозиции, символическое господство становится все более независимым от личностей и их поведения: звания обеспечивают дальнейшее существование власти; система образования обеспечивает практическое оправдание существующего порядка.

Индивидуальные формы габитуса в группе, отличающейся от других условиями своей жизни, свидетельствуют об отношении гомологии, иными словами, хотя жизненный опыт индивидов одного класса полностью не совпадает, в частности неодинаков доступ к благам, услугам и власти, но такой опыт в пределах одного класса гораздо более гомогенен, чем между классами, и Бурдьё с полным правом трактует каждую индивидуальную систему диспозиций как структурный вариант классового габитуса.

В своем анализе Бурдьё рассматривает социальные позиции как стратегические в борьбе классов и групп за представительство соответствующей социальной позиции. В этом процессе заметную роль играют не только объективные условия жизни, но и представления, которые сложились у социальных субъектов друг о друге и которые являются глубоко усвоенными социальными структурами. Последние становятся классификационными схемами, символическими формами, которые способствуют образованию групп и классов либо дистанции и разделению в обществе; тем самым они определяют историю и сами тоже являются продуктом истории. Габитус – это прошлое, которое продолжается в настоящем и будущем. Формы габитуса изменяются лишь в той мере, в какой изменяются условия существования класса или группы. Тогда в любой момент может быть структурирован новый опыт, правда, в пределах четких границ отбора, которые определяются первоначальными диспозициями.

Социология Бурдьё является прямым итогом его этнологических исследований; в определенной мере классы соответствуют родам в древних обществах в смысле выделения традиций, заключенных в габитусе. Бурдьё в меньшей степени выделяет “современные” черты современных обществ и в большей степени – традиционные различия.

Ален Турен (р. 1925) – французский социолог. Наиболее полно методологические и теоретические взгляды Турена отражены в его книге “Социология действия” (1965). Здесь он излагает свой подход – акционализм, дополняющий функционалистские и структуралистские концепции.

Акционализм Турена вырос из его исследований труда в духе К. Маркса – труда как принципа изменения человека и природы. Труд всегда содержит в себе стремление к производству и контролю и понимается как историческое действие. Это расширяет его значение, и он становится идентичен действию в отношении перспективы изменения, движения. Анализ труда может быть перенесен на действие. Акционалистский анализ не ограничивается трудом и отношениями между человеком и природой, он распространяется на социальное действие, при этом действие всегда соотносится со смыслом, который придается некой ситуации. По мнению Турена, основные темы акционалистского анализа – историческое сознание, социальность как осознанное отношение к другому и экзистенциальное, или антропологическое, сознание. Здесь “сознание” – не предмет идеалистической интерпретации; оно указывает на то, что в центре стоят не факты, а “поведение в бытии”. Социология, по Бурдьё, – это не наука о реальности, а исследование социального действия. Реальность следует разложить на множество полей, комбинация которых все равно не исчерпывает всей реальности, поскольку ее следует проанализировать и с точки зрения событий.

Социология Турена ориентирована на практику и становится активным фактором формирования общественных движений и изменений. Турен подходит к соотношению теории и практики целостно и “акционалистски”, говоря, что социолог должен участвовать в движении, но в то же время сохранять дистанцию по отношению к его организациям.

Предметом социологии Турен считает социальные отношения, которых, однако, не бывает в “чистом” виде, поскольку они всегда уже интерпретированы и находятся в движении. Целью социологии является понимание этого движения, а не каких-то структур, имеющих внесоциальное происхождение. Собственно предметом исследования социологии являются не институты, а власть, влияние, соответствие и конфликт. Однако обращение к силам общественного движения обуславливает также ориентацию на историчность общества и определяющих его классовых отношений.

Общество – это не только воспроизводство и приспособление, но и творение, самопроизводство. Данное свойство общества – самонаблюдение и самоопределение своей практики – Турен именует “историчность”.

В своем анализе современных обществ, который содержится прежде всего в работе “Постиндустриальное общество” и отмечен сильным влиянием студенческого движения 1968 г., он констатирует: “На наших глазах возникают общества нового типа”. Он называет такие общества постиндустриальными или технократическими, но чаще всего программируемыми. Их признаком является то, что доминирующим фактором развития становятся не экономические условия (при росте экономики), а социальные силы, особенно способность к планированию, организации и контролю. Основная проблема современного общества – не эксплуатация как экономическое условие, а отчуждение, которое Турен рассматривает в рамках общественных отношений: “Наше общество – это общество отчуждения, но не потому, что оно толкает людей в нищету или использует принуждение полицейского характера, а потому, что оно соблазняет, манипулирует, интегрирует”. (Touraine A. Die postindustrielle Gesellschaft. Frankfurt, 1972. S. 7.)

В программируемом обществе общественная интеграция – не только участие в процессе труда, но и вовлечение индивидов в тотальную систему коммуникации; культурная манипуляция затрагивает потребности и характер поведения во всех сферах жизни, политический контроль силен, как никогда ранее. Отчужденный человек в таком обществе соучаствует и остается зависимым, поскольку соучаствует лишь в той мере, в какой это допускает правящий класс. Это “зависимое участие” определяет отчуждение, но оно служит также уменьшению социальных конфликтов и характеризует отношения между развитыми и развивающимися странами.

В классовом обществе XIX в. классы различались не только экономически, но и были различными сферами общества в социальном и культурном отношении; вследствие отсутствия политического контроля над процессом индустриализации социальная напряженность была институционализирована лишь в малой степени; образ общества как в буржуазном, так и в пролетарском сознании ориентировался на будущее.

Вследствие исчезновения различных в культурном отношении основ общественных классов, последние превратились в бесформенную массу, из которой затем развились чисто экономические классы и заинтересованные группы. Усиление значения организации, иерархии и бюрократии привело к разделению проблем организации и экономической власти, принимающей решения, и, как следствие, к разделению организационных и классовых конфликтов. Концентрация власти обусловлена тем, что ориентация на будущее связана не с накоплением как интересом какого-то класса, а с программированием как интересом всего общества. В программируемом обществе господствующими группами становятся технократы, бюрократы и инженеры.

Новый социальный конфликт зреет не вне системы производства, а скорее в ее центре, поскольку информация, воспитание и потребление более тесно, чем прежде, связаны со сферой производства. Турен противопоставляет господствующим интересам в программируемом обществе частную жизнь как сферу, где человек наиболее полно может себя выразить. Протест не должен ориентироваться на интересы потребления, поскольку они тоже имеют экономический характер. Культура, с одной стороны, должна распространяться и быть доступной всем, но, с другой стороны, она должна стать критической.

Для классового общества с его разделением экономики и общества был также типичен раскол социального мышления, которое распалось на политэкономия и философия истории. В современном обществе, в котором экономическая деятельность является в большей степени не результатом политики, чем хозяйственных механизмов, общественный анализ становится непосредственно социологическим; в программируемом обществе появляется социология решения и аналогично этому – социология протеста.

Турен считает, что сейчас само понятие социологии сомнительно, поскольку исчезает понятие общества. Классической социологии соответствует понятие общества, которое является “лишь абстрактным переводом реальности национального государства, когда государство представляет нацию, в то время как общество – это сочетание институтов и действий, которые почти все возникают на уровне нации как синхронного экономического, политического, культурного и языкового целого”. (*Touraine A. Krise und Wandel des sozialen Denkens//Soziale Welt. Sonderband 4. Die Moderne-Kontinuitäten und Zersuren. Göttingen, 1986. S. 19.*) Это целое сегодня находится в состоянии распада, потому что значительная часть нашей жизни имеет теперь не национальный, а транснациональный характер и потому что целое все меньше основывается на законном

порядке и все больше напоминает своего рода менеджмент, причем люди перестают чувствовать себя гражданами.

Это отражается в социологии: целостность “общественного единения” разрушается пониманием социальной жизни как символического языка с определенными правилами преобразования. Повышенное внимание социальной теории к идее субъекта и интерсубъективности, по мнению Турена, подрывает классическую социологию.

И структурализм, и теория действия обходятся без понятия общества. Поэтому Турен считает правомерной замену понятия общества как предмета социологии понятием социальных акторов и их отношений. Значение, которое имеет процесс коммуникации в современной социологии, отражает, по мысли Турена, тот факт, что производство перемещается из сферы материальных благ в сферу символических благ; при этом понятие информации вступает в противоречие с понятием коммуникации. Информация предполагает манипуляцию средствами информации, распространение сведений о принятии решений; коммуникация, напротив, – это обмен сообщениями между акторами, их взаимное согласие в понимании опыта жизненного мира. Такой приоритет коммуникации по отношению к информации как концентрированной целесообразности Турен считает общим для всех новых социальных движений, причем социальные движения заменяют классы, становясь социальными акторами современности. Турен констатирует спад революционного мышления либо его деградацию до терроризма и возврат к утилитаризму, который он считает “точкой отсчета в системе координат социологического мышления”. Социальное мышление разрушается. На первый план выходит вопрос: “Когда уже не существует трансцендентных принципов легитимации социального порядка, может ли быть социальная жизнь чем-то иным, чем сплетением интересов, монетарных отношений обмена, стратегий власти, способов обогащения и развлечения?” (*Touraine A. Krise und Wandel des sozialen Denkens. S. 18.*)

Турен уже видит проблески обновления социальной жизни и вместе с ней социологического мышления, которое преодолевает длительный и разносторонний кризис, сопровождающий кризис разложения индустриального общества. Это мышление основывается на отказе от претензий на господство и от рационалистской концепции модернизации, которая до сих пор сопутствовала социологии.

Юрген Хабермас (р. 1929) – современный немецкий социолог. В созданном им учении интегрируются философская и социологическая перспективы, которые обычно остаются изолированными или даже противопоставляются. Его учение выступает своего рода синтезом концепции рациональности социального действия и концепции интеракции.

Основная работа Хабермаса – “Теория коммуникативного действия”, где на основе понятия социального действия разрабатывается оригинальная концепция общества.

Понятие социального действия у Хабермаса охватывает четыре аспекта.

1. Понятие телеологического действия еще со времен Аристотеля образует сердцевину философской теории действия. Актор достигает цели, надлежащим образом применяя подходящие средства.
2. Телеологическое действие может быть расширено до модели стратегического действия, которое соотносится не с отдельно взятым актором, но с членами какой-либо социальной группы, ориентирующими свои действия в зависимости от общих ценностей. Нормы выражают наличествующее в группе взаимопонимание. Центральное понятие

“следование нормам” означает исполнение какого-то общего поведенческого ожидания. Такая нормативная модель действия лежит в основе теории ролей.

3. Понятие драматического действия связано не с отдельным актором или членом какой-то социальной группы, а с участниками интеракции, которые все являются зрителями друг для друга. Актор формирует у зрителей определенный образ самого себя, целенаправленно раскрывая свой субъективный мир. Основное понятие “саморепрезентация” отражает целенаправленность выражения своих переживаний, а не спонтанное самовыражение.
4. Понятие коммуникативного действия отражает интеракцию по меньшей мере двух владеющих речью, способных к действию субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностное отношение. Акторы стремятся достичь понимания относительно ситуации действия с тем, чтобы координировать планы действия и сами действия. Такое понимание возможно в первую очередь при достижении согласия по поводу ситуаций. В этой модели действия особое значение приобретает язык.

Хабермас разделяет все действия по ориентации акторов на коммуникативные, или ориентированные на взаимопонимание, и формальные, ориентированные на результат. Помимо этого действия различаются между собой используемым в них типом знания и формами аргументации. Эти моменты составляют три главных аспекта рациональности действия.

Теория коммуникативного действия должна быть социальной теорией, которая стремится утвердиться как критическая. Связь коммуникативного действия и социальной критики затрагивает понятие рациональности. Если “труд” является сферой инструментального действия, в которой рациональность зависит от того, достигнута цель или нет (инструментальная рациональность), то в “интеракции” речь идет о соглашении, о переводе действия из монологического в диалогическое, а следовательно, о коммуникативной рациональности. В сфере “господства” критическая рациональность измеряется степенью перехода от стратегического действия к коммуникативному действию. Таким образом, господство определяется по отношению к коммуникации как неравные коммуникативные условия, требующие стратегии “против кого-то”, а не консенсуса “с кем-то”.

Взяв за основу типологию социального действия М. Вебера, Хабермас разработал собственную типологию. Она содержит два больших типа действий: ориентированные на успех и ориентированные на понимание.

Объясняя специфику коммуникации, Хабермас вводит заимствованное из феноменологии понятие жизненного мира как основы понимания, а по аналогии с понятием “языковой компетенции” Н. Хомского вводит понятие “коммуникативной компетенции”. Это не монологическое, а диалогическое понятие, т.е. подразумевает знание не только языка, но и социальных условий и их интерпретации. По своей сути коммуникативная компетенция ориентирована на понимание и поэтому является интерсубъективной и диалогической; она нацелена на становление смысла и значения языковых выражений через коммуникацию.

Центральным понятием теории коммуникативного действия является “дискурс” – аргументация и понимание людей с общим жизненным миром, связанные с

коммуникативной рациональностью, освобожденной от инструментально-рациональных связей.

Правда, Хабермас признает, что процессы общественного воспроизводства нельзя достаточно полно объяснить с помощью коммуникативной рациональности, но можно объяснить “символическое воспроизводство жизненного мира социальных групп, увиденного из внутренней перспективы”. Поэтому он понимает общество на двух уровнях, во-первых, как жизненный мир, т.е. символическое самовоспроизводство или самоинтерпретация; а во-вторых, как “систему” действий, каковой общество кажется постороннему наблюдателю. Общества должны рассматриваться одновременно и как системы, и как жизненный мир. Система и жизненный мир – это два различных способа понимания мира, разделенного на три части: объективный мир фактов, социальный мир норм и субъективный мир внутренних переживаний.

Жизненный мир – это совокупный процесс интерпретаций, относящийся ко всем трем мирам. Интерпретация происходит в какой-то конкретной “ситуации” – “отрывка” из жизненного мира, который выделяет из него определенные темы и цели действий.

На основе концепции коммуникативного действия Хабермас выделил в историческом развитии общества следующие этапы: неолитические общества, развитые культуры и современные общества.

Основной проблемой и спецификой современности, по Хабермасу, является разъединение системы и жизненного мира, что выражается в процессе овеществления современных жизненных миров и все большей их провинциализации. Жизненный мир становится достоянием частной жизни и выпадает из социальной системы, которая включает в себя деньги и власть, не зависящие от языка и коммуникации среды. Это означает не что иное, как поглощение жизненных миров системами. Хабермас считает, что современное развитие общества характеризуется протеканием процессов, показанных на рис. 1.2.

Рис. 1.2. Развитие обществ

На стыке между системой и жизненным миром возникают новые конфликты (проблематика окружающей среды, сверхсложность, перегруженность коммуникативных структур и т.п.). Поэтому невозможно понять проблемы современного общества, анализируя только системные процессы; необходима их критика на основе противоположной системному рассмотрению концепции, например, на основе анализа коммуникативного действия с позиций жизненного мира.

Хабермас считает, что критическая теория не должна заниматься идеологиями, поскольку характерной чертой современности является фрагментация обыденного сознания и колонизация его системами. Распад общего понимания жизненных миров обуславливает конец идеологий; место “ложного сознания” занимает фрагментарное сознание. Точно так же устаревшим становится понятие классового сознания, и поэтому критическая теория общества должна обратиться к критике культурного обнищания и исследованию условий для воссоединения рационализованной культуры с повседневной коммуникацией, основанной на витальной передаче от поколения к поколению.

Историческое развитие социологии не исчерпывается этими великими именами. Оно продолжается и будет продолжаться в третьем тысячелетии. У него множество только сейчас открывающихся на наших глазах перспектив. В своем выступлении на XIV

Всемирном социологическом конгрессе 26 июля 1998 г. в Монреале Иммануил Валлерстайн сказал:

“Мы существуем в до конца не изученном космосе, единственная и величайшая заслуга которого как раз и заключается в постоянстве его неопределенности, потому что именно неопределенность мобилизует творческие способности – космические творческие способности, а вместе с тем и творческие способности людей. Мы живем в несовершенном мире, в мире, который всегда будет оставаться несовершенным и потому в нем всегда будет несправедливость. Однако мы далеко не беспомощны перед лицом этой реальности. Мы способны сделать мир не таким несправедливым, более гармоничным, мы способны достичь большего понимания мира, в котором живем. Для этого нам нужно только построить этот мир, а для того, чтобы построить его, нам необходимо прийти к разумному общению друг с другом и поделиться друг с другом полученными каждым из нас специальными знаниями. Надо только попытаться”.(Wallerstem I. Presidential Address, XIVth World Congress of Sociology. Montreal. 1998. July. 26. 1998.)

§ 1.3. УРОВНИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Уровни анализа

Макросоциология. Социологи исследуют общество на двух уровнях: макро- и микроуровне. Макросоциологию интересуют крупномасштабные социальные системы и процессы, происходящие в течение длительного времени. Основное внимание она уделяет моделям поведения, помогающим понять сущность любого общества. Эти модели, или структуры, представляют собой такие социальные институты, как семья, образование, религия, а также экономический и политический строй. Люди, вовлеченные в данную систему социальных структур, испытывают на себе их глубокое влияние. Макросоциологи изучают взаимосвязи между различными частями общества и динамику их изменений.

Примерами макросоциологического подхода могут служить теория конфликта и функционализм.

Микросоциология изучает поведение людей в их непосредственном межличностном взаимодействии. Исследователи, работающие в этом ключе, считают, что социальные явления можно понять лишь на основе анализа тех смыслов, которые люди придают данным явлениям при взаимодействии друг с другом. Главный предмет их исследований – поведение индивидов, их поступки, мотивы, значения, определяющие взаимодействие между людьми, которое оказывает влияние на стабильность общества или происходящие в нем перемены.

Микросоциологический подход используется символическим интеракционизмом, уделяющим особое внимание взаимодействию индивидов. Формой символического интеракционизма, которая иногда привлекается для анализа индивидуального поведения, является теория обмена. Этот подход, разработанный социологом Дж. Хомансом, основан на рассмотрении человеческого поведения с точки зрения вознаграждения и расходов. Сторонники теории обмена полагают, что основным мотивом в поведении людей является стремление получить удовольствие и избежать боли.

Разногласия между сторонниками макро- и микросоциологии связаны, во-первых, с пониманием предмета исследования и уровня обобщения, во-вторых, с характером использованных понятий и принципов формирования социологического знания (рис. 1.3).

Рис. 1.3. Уровни социологического анализа

Граница между микро- и макросоциологией достаточно условна, однако методологически оправдана, так как способствует большей четкости и систематизации объектов социологии. Объекты макросоциологии – общности, социальные связи и закономерности, пожалуй, более существенны и значимы для социологии в целом, что, разумеется, не исключает научного интереса к меньшим социальным группам. По мнению польского социолога Я. Щепаньского, социология выявляет и изучает силы, действующие во всех сферах общественной жизни и объективно влияющие как на малые, так и на большие общности.(Асп Э.К. Введение в социологию. СПб., 1998. С. 58-61.)

Метасоциология проводит анализ существующих эпистемологических и методологических структур социологии вообще, равно как и ее различных компонентов – концепций, теорий, моделей, методов и т.д.

Отличие метасоциологии от социологии состоит в том, что объектом исследования социологии является социальная реальность, а объектом метасоциологии – сама социология. Поэтому правомерно использовать наряду с понятием “метасоциологии” понятия “социология социологии” и “рефлексивная социология”. Первое понятие было введено в научный оборот Р. Фридрихсом, (Friedrichs R. Sociology of Sociology. N.Y., 1970.) второе – А. Гоулднером. (Gouldner A. The Coming Crisis of Western Sociology. N.Y., 1970.)

Метасоциология анализирует социологию извне и изнутри. В первом случае социология рассматривается как специфическое социальное явление, которое, подобно другим явлениям, доступно социологическому анализу. Это может быть изучение общественной роли данной социологической теории, ее функций (служебных или критических) по

отношению к определенной политической системе, ее влияния в обществе за пределами узкопрофессиональной среды и др. Во втором случае социология исследуется как особая научная дисциплина, совокупность конкретных проблем, понятий, теорий и методов, отвлеченно от их социального контекста.

Социологические парадигмы

В современной социологии, согласно Дж. Ритцеру, существуют пять основных парадигм – исходных концептуальных схем, объяснительных моделей, на которые опираются различные концепции. Они различаются в зависимости от того, как авторы понимают социальную реальность.

Парадигма социальных фактов сводит социальную реальность к двум группам социальных фактов – социальным структурам и социальным институтам, которые рассматриваются в качестве реальных вещей. Ее возникновение связано с именем Э. Дюркгейма. В рамках этой парадигмы выделяются два противоположных теоретических направления – структурно-функциональный анализ (функционализм) и теории конфликта. Среди последователей данного направления можно назвать таких известных социологов, как П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон, Р. Дарендорф.

Парадигма социальных дефиниций обязана своим возникновением работам М. Вебера. Социальная реальность здесь рассматривается через способ понимания людьми социальных фактов. Согласно этой парадигме, социальное поведение людей строится в соответствии с пониманием ими социальной реальности. К данной парадигме относятся следующие теоретические направления: символический интеракционизм, феноменологическая социология и этнометодология. Наиболее видными представителями являются А. Шюц, Г. Мид, Г. Гарфинкель, Т. Лукман.

Парадигма социального поведения опирается на психологическую ориентацию в американской социологии и выражается в бихевиористской социологии и теории социального обмена. Наиболее известным представителем первой является психолог Б. Скиннер, второй – Дж. Хоманс. Суть данной парадигмы заключается в понимании поведения человека как соответствующей реакции на определенные внешние стимулы. Особое внимание акцентируется на проблеме вознаграждения ожидаемого и наказания нежелательного социального поведения.

Парадигма психологического детерминизма возникла на основе учения австрийского психиатра З. Фрейда. Социальная реальность здесь рассматривается через призму извечного конфликта индивида и общества. Такие исходные постулаты фрейдизма, как доминирующая роль бессознательного, гиперсексуализм, эдипов комплекс, антропосоциологический редукционизм, впоследствии претерпели определенные изменения в теориях неофрейдизма (Э. Фромм, Д. Рисмен) и фрейдомарксизма (Г. Маркузе и Ф. Райх).

Парадигма социально-исторического детерминизма связана с работами классиков марксизма. В этой парадигме социальная реальность рассматривается как совокупность отношений между людьми, складывающаяся в процессе их совместной деятельности. В фокусе ее внимания – социальные структуры, которые, взаимодействуя друг с другом, порождают социальный процесс. Фактическое устранение из объяснительной схемы реального человека, приписывание ведущей роли в общественном развитии

производственно-экономическим факторам дают основание определить эту парадигму более точно как экономический детерминизм.

Несмотря на многочисленные попытки социологов, до сих пор не удалось создать единой общей социологической теории. Многие исследователи считают социологию мультипарадигмальной наукой, в которой сосуществуют различные парадигмы. Так, американский социолог Д. Ритцер разработал интегральную модель социальной реальности. Она представлена в виде взаимодействия четырех уровней социальной реальности: макрообъективного, макросубъективного, микрообъективного и микросубъективного (рис. 1.4).

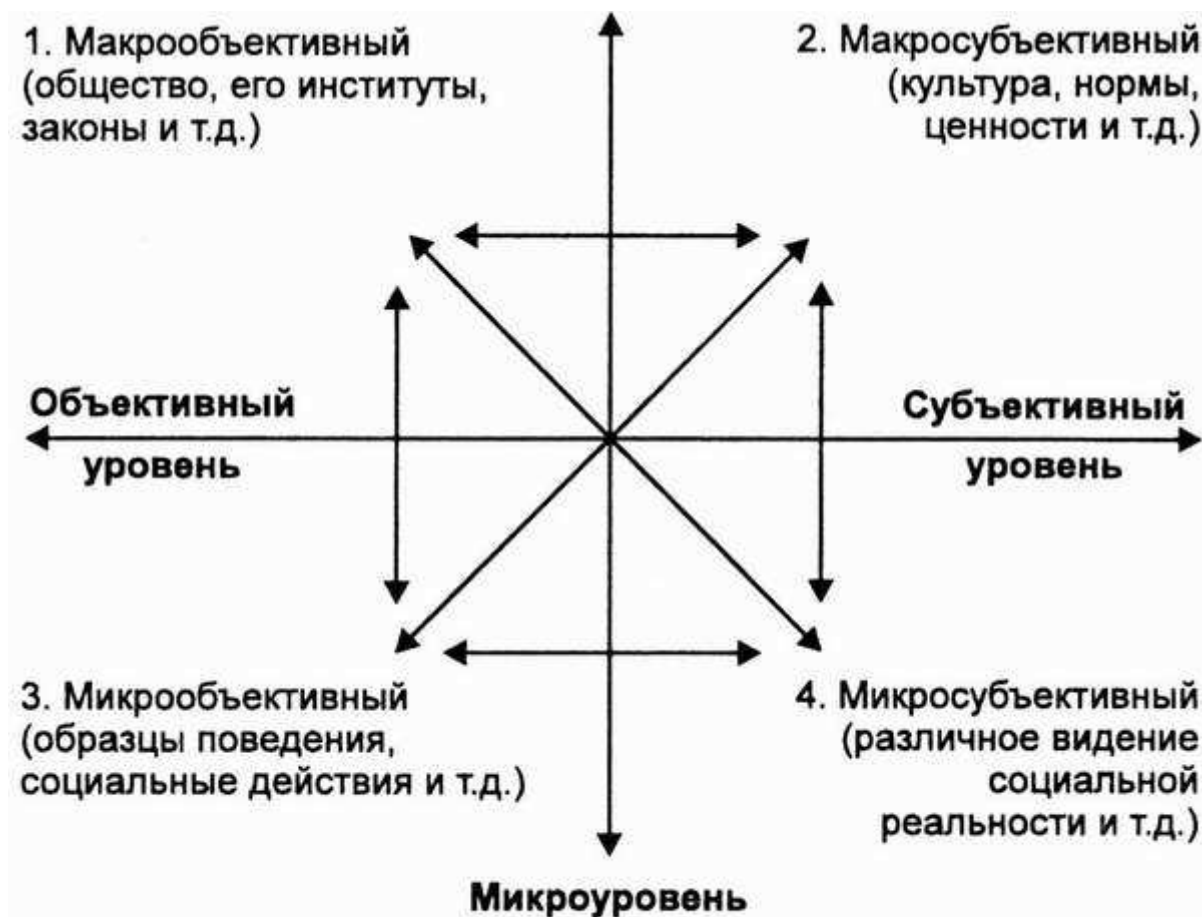

Рис.1.4. Интегральная модель социальной реальности

Значение этой модели в том, что она позволяет, во-первых, установить реальные взаимосвязи между различными уровнями социальной реальности (рис. 1.5), во-вторых, служит основанием классификации изучаемых явлений, в-третьих, требует применения соответствующей этим явлениям методики и техники. (Немировский В. Универсальная парадигма в российской социологии//Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований/Под ред. С.И. Григорьева (Россия), Ж. Кознен-Хуттера (Швейцария). 3-е изд., доп. и перераб. М., 1999. С. 84-87.)

Рис. 1.5. Уровни социальной реальности и интегральная социологическая парадигма

Практически все названные парадигмы в той или иной мере представлены в отечественной социологической литературе. Преодолев идеологическое и теоретико-методологическое засилье марксизма, социология в нашей стране развивается в основном за счет восприятия западных социологических концепций.

§ 1.4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОЦИОЛОГИИ

Функционализм

В ходе своего развития социология выработала ряд теоретических подходов, содержащих различные объяснения общественной жизни. В современной социологии существуют три основных подхода: функциональный (функционализм), конфликтологический (теория конфликта) и символический интеракционизм. Мы будем возвращаться к ним на протяжении всего учебника.

Структурно-функциональный, или, проще говоря, функциональный подход, сформировался на основе идей О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма (см. § 1.2). Его представители рассматривают общество в целом и уделяют главное внимание макроаспектам социальной жизни. В 1950-е – в начале 1960-х гг. функциональные теории Т. Парсонса и Р. Мертоня заняли центральное место в американской социологии. Более того, некоторые сторонники этого подхода утверждали, что он практически синонимичен социологии.

Социальная система. Функционалисты исходят прежде всего из того, что общество – это система. Система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов, находящихся в функциональных отношениях и связях друг с другом в течение определенного времени. Функционалисты акцентируют внимание на частях общества (отдельных подсистемах), особенно на его важнейших институтах – семье, религии,

экономике, государстве, образовании. Они идентифицируют структурные характеристики институтов подобно тому, как биологи описывают основные свойства организма, а затем определяют функции институтов.

Одна из особенностей системы состоит в стремлении к равновесию ее компонентов и воздействующих на нее сил. Таким образом, изменение в одном институте имеет последствия для других институтов, а также для общества в целом. Например, понижение жизненного уровня населения отрицательно сказывается на рождаемости. Это ведет к сокращению в школах набора учащихся, а далее – к закрытию школ. Некоторые институты могут меняться быстрее, чем другие, вызывая дисбаланс в социальной системе.

Функции и дисфункции. В системном анализе функционалисты уделяют большое внимание функциям, которые выполняют части системы, особенно институты, роли, модели культуры, социальные нормы и группы. *Функции – это наблюдаемые последствия, позволяющие производить адаптацию или регулировку системы.* Функционалисты говорят, что выживание системы зависит от решения ряда важных задач. Существование общества связано с выполнением некоторых функциональных требований. Институты являются основными структурами, с помощью которых осуществляются организация, управление и удовлетворение потребностей социальной жизни. Каждый институт выстраивается вокруг стандартного решения определенного набора проблем.

Р. Мертон указывает на то, что институты и другие части общества могут не только способствовать поддержанию социальной системы, но и вызывать негативные последствия. *Эти наблюдаемые последствия, уменьшающие адаптацию или приспособление системы, называют дисфункциями.* Возьмем, к примеру, бедность. В функциональном плане наличие в обществе бедных обеспечивает выполнение “черной работы” – грязной, опасной, временной, бесперспективной, низкооплачиваемой, лакейской. Наличие бедности, кроме того, создает рабочие места для людей, которые обслуживают бедных или “защищают” от них остальное население, – правоохранительные органы, работники социального обеспечения, религиозные организации, квартирные спекулянты, торговцы наркотиками. Разумеется, большое количество бедняков в конкретный период времени может нарушить функции общества. Бедность обостряет множество социальных проблем, в том числе проблемы, связанные со здравоохранением, образованием, преступностью и наркоманией. Жертвы бедности часто ощущают свою отчужденность от общества и, как следствие, отказывают в своей лояльности системе.

Явные и скрытые (латентные) функции. Мертон проводит также различие между явными и скрытыми функциями. *Явные функции – это те последствия, которые планируются и осознаются участниками системы, т.е. сознательные субъективные намерения и объективные последствия совпадают; скрытые функции – это последствия, которые и не планируются, и не осознаются, т.е. эти последствия не предполагались или вызваны ненамеренно.* Такое разграничение помогает прояснить кажущиеся порой иррациональными социальные модели поведения. Рассмотрим обряды индейцев хопи, предназначенные для вызова дождя. Наука говорит нам, что явная функция ритуалов недостижима – обряды не могут управлять природными явлениями. Однако понятие скрытых функций позволяет изучать последствия ритуалов не для богов дождя, а для самих хопи. Ритуалы объединяют отдельных членов общества для совместной деятельности, отличающейся сильным эмоциональным порывом, так как представляют собой средство коллективного самовыражения, благодаря которому индейцы хопи достигают социальной солидарности. Короче говоря, то, что сторонним наблюдателям

может показаться иррациональным поведением, для самой группы является действием функциональным.

Социальный консенсус. Функционалисты также полагают, что большинство членов общества имеют единое мнение относительно того, что им представляется желательным, целесообразным и моральным, а что нежелательным, нецелесообразным и неэтичным. Другими словами, у них существует консенсус в отношении основных ценностей и убеждений. Так, большинство американцев принимают для себя ценности и убеждения, присущие демократическому кредо, доктрине равных возможностей и личного успеха; большинство кубинцев согласны с обществом, сформированным в соответствии с коммунистическими идеалами. Функционалисты утверждают, что высокая степень консенсуса служит фундаментом социальной интеграции и стабильности. Благодаря длительному процессу социализации люди приходят к принятию правил своего общества, поэтому по большей части они придерживаются этих правил.

Оценка функционального подхода. Функциональный подход является полезным инструментом для описания общества и определения его структурных элементов и их функций. Он дает развернутую картину социальной жизни в целом, которая находит свое выражение в упорядоченном и повторяющемся поведении и устойчивых моделях институтов. Для четкого видения часто полезно “закрывать” социальные процессы и описывать поведение в данный момент времени. Анатом поступает именно таким образом, когда изучает под микроскопом клетку или исследует в лаборатории труп. Применяя функциональный подход, мы прежде всего получаем статичную картину – нечто вроде фотоснимка социальной жизни в конкретный исторический период.

Однако такой подход не дает полной картины социальной жизни. С его помощью трудно получить представление о процессах социальных изменений. Он не позволяет понять непрерывное взаимодействие, происходящее в мире людей. А ведь реальный мир – это постоянный поток и перемены. Более того, функционалисты, преувеличивая консенсус, интеграцию и стабильность, часто игнорируют конфликты, расхождения и нестабильность. Проблемы, с которыми сталкиваются сторонники данного подхода при изучении социальных изменений и конфликтов, дали повод его критикам утверждать, что этот метод консервативен и склонен поддерживать существующее социальное устройство.

Теория конфликта

Приверженцы этой теории, как и функционалисты, основное внимание уделяют обществу в целом, исследуя его институты и структурные образования. Однако эти два подхода во многом отличаются друг от друга. Если функционалисты описывают общество как относительно статичное, то конфликтологи делают акцент на процессах, которые непрерывно трансформируют общественную жизнь. Там, где функционалисты делают упор на порядке и стабильности в обществе, конфликтологи подчеркивают беспорядок и нестабильность. Там, где функционалисты видят общие интересы, разделяемые членами общества, конфликтологи фокусируют внимание на интересах несовпадающих. Если функционалисты рассматривают консенсус как основу для социального единства, то конфликтологи утверждают, что социальное единство – это иллюзия, оно достигается только силой. И, наконец, функционалисты рассматривают социальные структуры как необходимые и обусловленные требованиями групповой жизни, тогда как конфликтологи считают многие из этих структур ненужными и неоправданными.

Основные социологические теории социального конфликта. Наибольшую известность получили концепции позитивно-функционального конфликта Л. Козера (США), конфликтной модели общества Р. Дарендорфа (Германия) и общей теории конфликта К. Боулдинга (США).

Согласно концепции Льюиса Козера, обществу присущи фатально неизбежное социальное неравенство, вечная психологическая неудовлетворенность его членов и проистекающая отсюда напряженность между индивидами и группами, обусловленная их чувственно-эмоциональным, психическим расстройством, которое периодически находит выход в их взаимных коллизиях. Поэтому социальный конфликт Козер сводит к напряженности между тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с чувствами известных групп и индивидов. Под социальным конфликтом он понимает борьбу за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы, борьбу, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника. Это наиболее распространенное определение конфликта в западной политологии.

Козер тесно увязывает форму и интенсивность конфликта с особенностями конфликтующих групп. Так как конфликт между группами способствует укреплению внутригрупповой солидарности и, следовательно, сохранению группы, то лидеры группы сознательно прибегают к поискам внешнего врага и разжигают мнимый конфликт. Известна и тактика, направленная на поиски внутреннего врага (“предателя”), особенно когда лидеры терпят неудачи и поражения. Козер обосновывает двоякую роль конфликта во внутреннем сплочении группы: внутренняя сплоченность возрастает, если группа уже достаточно интегрирована и если внешняя опасность угрожает всей группе и воспринимается всеми членами группы как общая угроза. При этом, отмечает Козер, большие группы при высокой степени соучастия своих членов могут проявить значительную степень гибкости. Малые же группы, а также недостаточно интегрированные могут проявлять жестокость и нетерпимость по отношению к “уклоняющимся” членам.

Козер полагал, что его концепция социального конфликта в сочетании с “равновесно-интегральной” теорией и консенсусным принципом структурного функционализма позволит преодолеть недостатки последнего и стать чем-то вроде общесоциологической теории общества. Однако концепция позитивно-функционального конфликта господствовала недолго.

Ральф Дарендорф в середине 1960-х гг. выступил с обоснованием новой теории социального конфликта, известной как конфликтная модель общества. Его работа “Классы и классовый конфликт в индустриальном обществе” (*Dahrendorf R. Classes and Class Conflict Society. 1965*) получила широкое признание.

Суть его концепции в следующем: любое общество постоянно подвержено изменению, социальные изменения вездесущи; в каждый момент общество переживает социальный конфликт, социальный конфликт вездесущ; каждый элемент общества способствует его изменению; любое общество опирается на принуждение одних его членов другими. Поэтому для общества характерно неравенство социальных позиций, занимаемых людьми по отношению к распределению власти, а отсюда проистекают различия их интересов и устремлений, что вызывает взаимные трения, антагонизмы и как результат структурные изменения самого общества. Подавленный конфликт он сравнивает с опаснейшей злокачественной опухолью на теле общественного организма.

Общества отличаются друг от друга не наличием или отсутствием конфликта, а только различным отношением к нему со стороны власти. Поэтому и в демократическом обществе конфликты имеют место, но рациональные методы регулирования делают их невзрывоопасными. “Тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания в регулировании, тот берет под свой контроль ритм истории,— пишет Р. Дарендорф.— Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники”.(*Darendorf R. Society and Democracy in Germany. N.Y., 1969. P. 140.*)

Общая теория конфликта американского социолога Кеннета Боулдинга изложена в его книге “Конфликт и защита: Общая теория” (*Boulding K. Conflict and Defence: A General Theory. N.Y., 1963*). Все конфликты, по его мнению, имеют общие элементы и общие образцы развития, и изучение тех и других может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении. Поэтому, делает вывод Боулдинг, знание “общей теории конфликта” позволит общественным силам контролировать конфликты, управлять ими, прогнозировать их последствия.

Конфликт, согласно его концепции, неотделим от общественной жизни. В самой природе человека лежит стремление к постоянной вражде и борьбе с себе подобными, к эскалации насилия. Конфликт Боулдинг определяет как ситуацию, в которой стороны сознают несовместимость своих позиций и каждая из сторон стремится занять позицию, противоположную интересам другой. В то же время конфликты являются таким видом социального взаимодействия, когда стороны осознают как свое противостояние, так и свое отношение к нему. Они сознательно организуются, разрабатывая стратегию и тактику борьбы. Но все это не исключает того, что конфликты можно и нужно преодолевать или по крайней мере существенно ограничивать.

Ученый рассматривает два аспекта социального конфликта – статический и динамический. В статическом аспекте анализируются стороны конфликта и отношения между ними. Поскольку в качестве противоборствующих сторон могут выступать отдельные личности, организации, группы (этнические, религиозные, профессиональные, возрастные и т.д.), конфликты могут подразделяться на личностные, организационные и групповые. В динамическом аспекте Боулдинг рассматривает интересы сторон как побудительные силы в конфликтном поведении людей. На основе теории бихевиоризма он определяет динамику конфликта как процесс, складывающийся из совокупности реакций противоборствующих сторон на внешние стимулы. Все общественные столкновения являются “реактивными процессами”. Например, “явление зарождения и нарастания любви совершенно аналогично гонке вооружений, которая, как и война, является реактивным процессом”.(*Boulding K. Conflict and Defence: A General Theory. N.Y., 1963. P. 25.*) Иными словами, Боулдинг усматривает сущность социального конфликта в неких стереотипных реакциях человека. В связи с этим он полагает, что всякий конфликт можно попытаться преодолеть и разрешать, соответствующим образом манипулируя раздражителями путем изменения реакций, ценностей и влечений индивидов, не прибегая к радикальному изменению самого общественного строя.

Оценка теории конфликта. Эта теория служит хорошим противовесом функциональному подходу. В самом деле, поскольку достоинства одного подхода являются недостатками другого, оба они во многом дополняют друг друга. Если функционалисты испытывают трудности при изучении социальных изменений, то у конфликтологов здесь преимущество. А там, где у сторонников теории конфликта возникают затруднения, например при рассмотрении некоторых аспектов консенсуса, интеграции и стабильности, функциональный подход дает глубокое освещение проблемы.

По мнению некоторых представителей обоих направлений, различия между ними настолько велики, что они не видят основы для примирения. Между тем многие социологи взялись за эту задачу. Например, Р. Дарендорф и Г.Э. Ленски видят в обществе “двуликого Януса” и утверждают, что функционалисты и конфликтологи просто исследуют два аспекта одной и той же реальности. Они отмечают, что и консенсус и конфликт являются ключевыми особенностями общественной жизни. Кроме того, в обоих подходах традиционно присутствует холистический взгляд на социальную жизнь, предполагающий, что общества представляют собой системы взаимосвязанных частей.

Другие социологи, такие, как Л. Козер и Дж. Хаймс, основываясь на идеях Г. Зиммеля, полагают, что при некоторых обстоятельствах конфликт для общества может быть функциональным. Тогда он способствует укреплению преданности и лояльности группе и, таким образом, выполняет интегрирующую роль. Конфликт способен также предотвратить закат социальных систем, заставляя их изменяться и обновляться.

Символический интеракционизм

Функционалисты и конфликтологи уделяют основное внимание “макроструктурам” общества, а представителей символического интеракционизма, как правило, больше интересуют “микроспекты” социальной жизни. Ч.Х. Кули, Дж. Г. Мид, М. Кун и Г. Блумер изучали социальное взаимодействие индивидов и задавались вопросом, как им удастся согласовывать свои действия.

Символы. Представители символического интеракционизма подчеркивают, что люди – социальные существа. Однако в отличие от муравьев, пчел, термитов и других насекомых, ведущих общественный образ жизни, мы практически не обладаем врожденными моделями поведения, которые связывали бы нас друг с другом. Если у нас по существу отсутствуют заложенные природой механизмы социального поведения, то как может возникнуть общество? Представители символического интеракционизма находят ответ в способности людей общаться посредством символов.

Смысловое значение: конструирование реальности. Следуя традиции Джорджа Герберта Мида (1863-1931), представители символического интеракционизма утверждают, что мы совершаем действия, соотносясь с значением, которое в них вкладываем. Значение не есть нечто, изначально присущее вещам, это свойство, которое проистекает из взаимодействия людей в их повседневной жизни (Блумер). Другими словами, социальная реальность создается людьми, когда они действуют в этом мире и интерпретируют происходящие в нем события. Как отмечает социальный философ А. Шюц, таких вещей, как факты, строго говоря, просто нет. Мы выбираем факты из универсального контекста посредством деятельности своего мозга, и по этой причине все “факты” суть творение человека. Соответственно, представители символического интеракционизма считают, что мы воспринимаем мир как сконструированную реальность.

Понять сказанное поможет следующий пример. Как-нибудь в безоблачную ночь посмотрите на северную часть неба и отыщите семь звезд, которые образуют Большую Медведицу. Затем попытайтесь различить в этой комбинации звезд изображение вначале медведя, потом повозки и, наконец, круглой корзины. Большинство людей с трудом опознают два последних объекта. Они говорят: “Это просто похоже на ковш и все”. Другим людям это созвездие известно под иными именами. Древние сирийцы видели в этом расположении звезд Дикого Вепря, индусы – Семь Мудрецов, греки – Большую Медведицу, поляки – Небесную Колесницу, а китайцы – Северную Корзину.

Интересным во всем этом представляется влияние, оказываемое такими названиями – словами-символами – на то, каким видится людям эта конфигурация небесных светил. Из описаний, оставленных древними греками, ясно, что они не просто называли эти звезды Большой Медведицей; когда они смотрели на северную часть неба, они на самом деле видели фигуру медведя. Для большинства из нас не имеет значения тот факт, что в этом созвездии видны примерно 200 других звезд и что эти звезды имеют бесконечное множество комбинаций и форм. В случае с ковшом мы выделяем семь отдельных звезд, даем им наименование “ковш” и в свою очередь видим “ковш”. Греки видели медведя, сирийцы – дикого вепря и т.д.

Все это приводит представителей символического интеракционизма к выводу, что если социологи хотят изучить жизнь общества, они должны сначала понять слова и поступки членов этого общества, приняв их точку зрения. Эта теория в значительной мере испытала влияние веберовской концепции понимания (Verstehen).

Оценка символического интеракционизма. Преимущество этого подхода в том, что он вводит “людей” в панораму социологического исследования. Он направляет внимание на деятельность индивидов в их повседневной жизни и видит в людях не роботов, механически выполняющих предписания социальных правил и институциональных норм, а ведущих общественный образ жизни существ, наделенных способностью мыслить. Посредством взаимодействия они оперируют символами и значениями, которые позволяют им интерпретировать ситуации, оценивать преимущества и недостатки определенных действий и затем выбирать одно из них. Итак, представители символического интеракционизма предлагают образ человека как индивида, активно формирующего свое поведение, а не пассивно реагирующего на внешний диктат структурных ограничений.

Однако подход символического интеракционизма имеет свои слабые стороны. В повседневной жизни люди не обладают полной свободой в формировании своих действий. Хотя представители символического интеракционизма признают, что во многих действиях человек руководствуется системами установившихся смысловых значений, включая культуру и общественный строй, некоторые социологи (Блумер) принижают роль, которую играет в нашей жизни социальная структура. Критики утверждают, что теория социального взаимодействия на основе символов делает чрезмерный акцент на сиюминутной ситуации и “преувеличивает внимание к преходящему, эпизодическому и мимолетному”.

В отличие от традиционных формул символического интеракционизма функционалисты напоминают, что обществу присущи упорядоченность и повторяемость, которые ограничивают диапазон возможностей человека в совершении действий. В свою очередь конфликтологи указывают, что социальные структуры не являются нейтральными, а распределяют обязанности и привилегии между группами неравным образом. Для преодоления некоторых из этих трудностей ряд представителей символического интеракционизма, например Ш. Страйкер, предприняли попытку ввести в свою теорию структурные компоненты. Страйкер стремится объединить социальную структуру с индивидуумом посредством таких понятий, как “позиция” и “роль”.

Каждый теоретический подход имеет свои преимущества и недостатки, описывает особый аспект социальной реальности, направляя внимание на измерение социальной жизни, которое другой подход игнорирует. Например, если функционализм основной упор делает на функции и дисфункции бедности в рамках крупного общества, то конфликтологи анализируют социальное неравенство, проистекающее из способа организации общества,

а по мнению представителей символического интеракционизма, люди находят в некоторых обстоятельствах отклонения от того, что им кажется идеальным образом жизни, придают этим условиям негативный смысл и называют их “бедностью”. Следовательно, в каждом из подходов имеется свое понимание проблемы.

Кроме того, в каждой из теорий используется более эффективный по сравнению с другой подход к определенным аспектам социальной жизни. Подобно тому, как для плотника стамеска, рубанок и пила являются необходимыми инструментами, которые дополняют друг друга при строительстве дома, все три подхода – это полезные инструменты социологии, применяющиеся для описания и анализа человеческого поведения.

§ 1.5. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Основные понятия

Под методами социологического исследования подразумеваются конкретные познавательные ориентации, подходы, приемы, способы и инструменты, применяемые в социологическом исследовании.

В социологии широко применяются методы психологии, демографии, истории, географии, математики, статистики и других наук. В зависимости от типа социологического исследования (теоретическое, эмпирическое; прикладное, описательное, прогностическое; полевое, лабораторное и клиническое и т.д.) используются различные методы: наблюдение, сбор информации, массовое обследование, свободное интервью или формализованное, выборочные и т.д.

Кроме того, используются методы: парных сравнений, логико-экспериментальный, сравнительно-исторический, лингвистический, метод экспертных оценок, метод имитационного моделирования, математического моделирования, социометрические методы и т.д.

Ученые отдают много времени попыткам выявить, каким образом одно явление соотносится и взаимосвязано с другим явлением. Для этого они пользуются переменными. *Переменная – признак исследуемого объекта, который может принимать различные значения (пол, возраст, доход, профессия, статус и т.д.).* Различают переменные зависимые (те, которые следует объяснить с помощью эксперимента или иным способом) и независимые – вызывающие реальные изменения или объясняющие их. Социологи стремятся определить степень взаимосвязи, существующей между независимой и зависимой переменной. Если переменные имеют каузальные связи, они должны коррелировать между собой. *Корреляция имеет место, если изменение одной переменной связано с изменением другой переменной.* Например, уровень детской смертности уменьшается по мере повышения социально-экономического уровня жизни, поэтому данные переменные считаются коррелированными.

Однако корреляция не устанавливает причинно-следственной связи. Например, показатель летального исхода гораздо выше среди госпитализированных индивидов, чем среди негоспитализированных. Тем не менее ошибочным было бы утверждать на основании этой корреляции, что госпитализация является причиной смерти. Подобным образом степень ущерба в результате пожара тесно связана с количеством пожарных машин, присутствующих на месте возгорания. Но мы снова сделаем ошибку, если придем к выводу, что пожарные машины вызывают повышенный ущерб от пожара. В последних

двух случаях корреляция является ложной – кажущаяся взаимосвязь между двумя переменными образуется за счет третьей переменной, оказывающей воздействие на две исходные переменные (тяжелое заболевание связано как с госпитализацией, так и с летальным исходом; точно так же обширный, неуправляемый пожар связывается как с крупным ущербом, так и с мобилизацией большего числа пожарных бригад для его тушения). Для того чтобы исключить возможность “засорения” исследований третьими переменными, ученые используют контролирующие факторы.

Этапы социологического исследования

Социологическое исследование – это способ получения знаний о социальном мире, основанный на строгом сборе фактов и их логическом объяснении. Оно состоит в систематизированном ряде г шагов, направленных на обеспечение максимальной объективности в изучении проблемы. В идеальном варианте социологическое исследование следует подобной поэтапной процедуре, хотя на практике это не всегда представляется возможным. Даже при таких обстоятельствах описанные ниже этапы обеспечивают полезные вехи проведения научного исследования (рис. 1.6).

Рис. 1.6. Этапы социологического исследования

1. **Выбор исследуемой проблемы.** Диапазон вопросов, открытых для социальных исследований, столь же обширен, как и диапазон моделей человеческого поведения. Следовательно, необходимо найти проблему, заслуживающую внимания и поддающаяся исследованию с помощью научных методов. Например, социологи Дональд О. Даттон и Артур П. Арон решили проверить, действительно ли между состояниями сильного страха и сексуального возбуждения существует связь, как это утверждал римский поэт Овидий, живший в I в. н.э. Овидий утверждал, что в женщинах возбуждается любовная страсть во время наблюдения за жестокими боями гладиаторов. Предположительно, чувства страха и отвращения, вызываемые жестокими сценами, каким-то образом трансформируются в любовное влечение.
2. **Обзор литературы.** Даттон и Арон изучили литературу, повествующую о сексуальном влечении и сильных эмоциональных состояниях. Просматривая литературу, они узнали о другом исследовании, которое уже было

завершено и дало толчок многим направлениям, что позволило избежать повторения работы, уже проделанной другими авторами. Этолог Нико Тинберген обнаружил связь между “агрессией” и ухаживанием у некоторых видов животных, а ряд психологов продемонстрировали на экспериментальной основе существование сходных связей в поведении людей.

3. **Построение гипотезы.** Завершив обзор литературы, исследователи обычно приходят к экспериментальному предположению, касающемуся взаимосвязи, которая, по их мнению, существует между двумя переменными. Они выстраивают эту взаимосвязь в форме гипотезы. Даттон и Арон приняли решение проверить гипотезу, согласно которой состояние сильного страха (независимая переменная) способствует повышению сексуального влечения (зависимая переменная). Но прежде чем приступить к исследованию, им необходимо было сформулировать операциональные (рабочие) определения своих переменных. При формулировке операциональных определений ученые облачают абстрактные идеи в формы, позволяющие осуществлять их оценку. Даттон и Арон сформулировали свою рабочую гипотезу следующим образом: “Привлекательная женщина кажется более привлекательной мужчинам, если они встретили ее в обстоятельствах, вызывающих у этих мужчин сильное эмоциональное состояние (страх), чем при отсутствии подобных обстоятельств”.
4. **Выбор программы исследований.** После того как исследователи сформулировали свою рабочую гипотезу, им предстоит определить, каким образом будет осуществляться сбор данных для дальнейшего их анализа и проверки гипотезы. В зависимости от характера гипотезы ученые могут составить план проведения эксперимента, брать интервью, наблюдать поведение людей в определенных ситуациях, изучать имеющиеся результаты и исторические свидетельства или использовать все эти процедуры в различных сочетаниях. Даттон и Арон провели полевое исследование.
5. **Сбор данных.** Даттон и Арон осуществляли сбор экспериментальных данных около двух пешеходных мостов, по которым люди обычно переходили через реку Капилано-Ривер в Северном Ванкувере (Канада). Первый из “экспериментальных” мостов представлял собой конструкцию длиной 450 футов, находящуюся на высоте 230 футов над горным каньоном и ревущим на дне каньона потоком; этот мост под ногами людей изгибался и качался так, что создавалось впечатление шаткой конструкции, с которой легко свалиться. Второй, или “контрольный”, мост – широкий, прочный, сделан из дерева. Он находится несколько дальше вверх по реке. В этом месте река представляет собой мелкий и узкий поток. Мост находится на высоте всего 10 футов над водой. Привлекательная женщина подходила к мужчинам, которые только что перешли по одному из мостов, и объясняла им, что она участвует в учебном проекте по психологии. Она просила мужчин заполнить краткий опросный лист и написать коротенький драматический рассказ, основанный на изображении молоденькой женщины. Когда мужчины (называемые объектами эксперимента) заполнили опросник, женщина оставила каждому из них свою фамилию и номер телефона на случай, если “они захотят узнать об исследовании побольше”.
6. **Анализ результатов.** После того как исследователи получают в свое распоряжение необходимые данные, им предстоит проанализировать их для

нахождения ответов на вопросы, заложенные в их исследовательский проект. Анализ предполагает поиск значимых связей между фактами, выяснившимися в ходе исследования. Проанализировав истории, написанные объектами исследования, Даттон и Арон пришли к выводу, что мужчины, перешедшие через реку по шаткому подвесному мосту, испытывали большее сексуальное возбуждение, чем мужчины, перешедшие по прочному и более безопасному мосту: молодой женщине, проводившей опрос, позвонили 50% мужчин, перешедших реку по качающемуся мосту, и всего 13% мужчин, выбравших менее опасный мост.

7. **Выводы.** После анализа данных исследователям предстоит сделать определенные выводы. Обычно они принимают, отвергают первоначальную гипотезу или вносят в нее какие-то изменения. Кроме того, ученые обычно стремятся связать полученные ими данные с другими данными и теориями. В нашем случае Даттон и Арон признали правильность гипотезы, согласно которой сильные эмоции способствуют повышению сексуального возбуждения.

Методы исследования

В распоряжении социологов имеются четыре основных метода сбора данных: эксперименты, опросы общественного мнения, наблюдение и архивное исследование. (См.: Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 898-901.)

Эксперимент – метод сбора и анализа эмпирических данных с целью проверки гипотез относительно причинных связей между явлениями. В социальных науках наиболее часто проводят эксперимент, состоящий в сравнении двух сложных явлений, факторов, различающихся лишь тем, что на первый из них оказывают в соответствии с рабочей гипотезой определенное воздействие, а другой оставляют без изменений. Гипотеза считается доказанной, если в первой системе под воздействием экспериментального фактора (независимой переменной) произошло изменение, которое во второй отсутствует.

В социальной сфере проводят эксперименты, различающиеся: 1) по характеру объекта и предмета исследования; 2) по специфике поставленной задачи; 3) по логической структуре доказательства гипотезы. Что касается характера экспериментальных ситуаций, то социологи отдают предпочтение полевым экспериментам.

В полевом эксперименте условия воздействия экспериментального фактора близки к естественным. Полевые эксперименты бывают активно направленными и естественными. В активно направленном эксперименте исследователь вводит в действие экспериментальный фактор, приводящий, по его гипотезе, к определенным последствиям, в естественном – воздействие экспериментального фактора вызвано самим ходом событий.

Опросы. Методы, основанные на наблюдениях, используются для описания и характеристики непосредственно наблюдаемого поведения людей в разных ситуациях. Однако для наблюдения недоступны системы ценностей, убеждения, взгляды, представления, мотивировки и чувства. В таких случаях ведущим методом социологического исследования становится опрос. Опросы, как правило, проводятся методами интервьюирования и анкетирования. В основе интервью – беседа по предварительно разработанному подробному плану, однако чаще социологи проводят интервью на основе заранее подготовленного опросного листа, в котором даются все

интересующие вопросы, в определенной последовательности и с заданными формулировками.

Анкетирование – метод опроса, при котором социолог-исследователь общается с респондентом (участником социологического опроса) с помощью анкеты.

Как при интервьюировании, так и при анкетировании исследователи должны уделять особое внимание процедурам выборки: 1) определить слои и группы населения, на которые предполагается распространить полученные результаты опроса (генеральная совокупность); 2) определить численность опрашиваемых, необходимую и достаточную для репрезентации генеральной совокупности; 3) определить правила поиска и отбора респондентов на последней стадии выбора. Такие рупоры общественного мнения, как “Гэллап”, “Харрис” и “Си-Би-Эс Ньюс”, используют небольшую выборку респондентов: примерно 1500 респондентов отражают мнение 240 млн. американцев.

Логические объяснения, лежащие в основе процедур выборки, очень просты. Для иллюстрации представьте кувшин, наполненный 80 тыс. голубых, зеленых, красных, пурпурных и белых шариков. Для того чтобы определить количество шариков различных цветов, достаточно отобрать 1000 шариков, рассортировать их по цвету и подсчитать. Это позволяет определить, сколько шариков каждого цвета содержится в кувшине, с большой степенью достоверности.

Однако процедура выборки для социологического исследования много сложнее. Обычно социологи используют в своих исследованиях случайную выборку или выборку расслоенную (типическую). При случайной выборке исследователи осуществляют произвольный отбор объектов исследования так, что у каждого индивида в популяции имеется равный шанс быть выбранным. Если необходима более высокая точность, используется расслоенная выборка, когда население делится на соответствующие категории по возрасту, полу, социально-экономическому положению, расе, затем осуществляется случайная выборка в каждой из выделенных категорий. Так, если русские составляют 67%, а украинцы – 9% всего населения, то русские будут представлять в выборке 67%, а украинцы – соответственно 9%.

Составить хорошую анкету – непростое дело. Формулировка вопросов, их количество и размер – все это имеет немаловажное значение.

Например, формулировка вопроса способна систематически “сбивать” результаты опроса. При опросе, проведенном “Нью-Йорк Тайме”/“Си-Би-Эс Ньюс”, выяснилось, что только 29% респондентов высказалось в поддержку конституциональной поправки о “запрещении аборт”. Однако отвечая на последний вопрос той же самой анкеты, уже 50% респондентов сказали, что они поддерживают поправку о “защите жизни неродившихся детей”, что по сути равнозначно запрещению абортов. Время от времени политики используют такую тактику для достижения собственных целей. К примеру, вопрос, начинающийся со слов “Я согласен с тем, что кандидат Х...”, гораздо чаще вызывает положительный отклик, чем вопрос, сформулированный следующим образом: “Считаете ли Вы, что кандидат Х...”

Необходима не одна предварительная проверка, чтобы гарантировать, что вопросы понятны, недвусмысленны и достаточно конкретны для того, чтобы получить от респондентов желаемую информацию. Возможно, самая большая трудность с личной информацией связана с ее точностью. Поскольку данные, сообщаемые индивидами при опросах, непосредственно их касаются, то они могут ненамеренно или бездумно

предоставлять искаженную информацию. Например, они могут скрывать или искажать информацию потому, что, если бы они сказали правду, они бы чувствовали, что находятся под угрозой или что их самоуважение понесло урон. Более того, многим людям не хватает самопонимания для того, чтобы дать ответы на некоторые типы вопросов. По меньшей мере, 10% населения из-за недостаточной грамотности не могут понять даже простейшие вопросы. И наконец, от 20 до 70% людей, получивших анкеты или опросные листы по почте, просто не утруждают себя их заполнением, что также искажает репрезентативность выборки.

Наблюдение – один из самых распространенных способов познания. В социологических исследованиях наблюдение является методом сбора первичных эмпирических данных и предполагает: четко поставленную исследовательскую цель, систематичность, аккуратное документирование результатов наблюдения, связь с теориями и социологическими знаниями, проверку и контроль.

Как правило, социологи осуществляют наблюдения за членами исследуемой группы, либо не вмешиваясь и не участвуя в их действиях (скрытое наблюдение), либо принимая участие в их деятельности (метод включенного наблюдения).

Во многих ситуациях наблюдение представляется единственно возможным методом получения данных. Иногда люди оказываются не в состоянии или просто не хотят рассказывать о своем образе жизни. Возможно, это происходит потому, что их образ жизни не отвечает требованиям закона, представляет собой отклонение от общепринятой нормы, или просто они не хотят раскрывать свои тайны. Помимо прочего, с помощью наблюдения невозможно изучать события прошлого. В таких случаях особенно полезны архивные исследования.

Архивное исследование – *исследование существующих исторических свидетельств и документов, составленных или хранимых другими лицами или организациями.* Этим методом исследуют: данные переписи, правительственные статистические отчеты, газетные материалы, книги, журналы, личную переписку, речи, фольклор, судебные архивы, произведения искусства и результаты исследований других ученых-социологов. Новое приложение ранее собранных данных для некоей другой цели может иметь большое значение. Работа Теды Скокпол “Государства и социальная революция” (States and Social Revolution. 1979) является прекрасной иллюстрацией социологического исследования, основанного на использовании исторических материалов.

Т. Скокпол ставила перед собой ряд задач, в том числе проверку теории революций Маркса. В своем исследовании Скокпол искала сходные черты в условиях жизни обществ, существовавших в период революций во Франции (1789-1800), России (1917-1921) и Китае (1911-1949). Затем она изучила данные о государствах, в которых революции потерпели поражение или вообще не произошли: о Германии в 1848 г. и России в 1905 г. (революции, потерпевшие поражение), об Англии XVII в. (политическая революция), о Пруссии начала XIX в. и Японии в конце 1860-х гг. (где базовые структурные изменения были введены по инициативе правящей элиты). Хотя Скокпол обнаружила много ценного в теории Маркса о революциях, она выступила и с критикой этой теории. Если Маркс рассматривал государство как орудие господства правящего класса, то Скокпол описывает его как структуру, обладающую собственной логикой и интересами, не обязательно эквивалентными или совпадающими с интересами класса, доминирующего в обществе.

Скокпол приходит к заключению, что корни французской, русской и китайской революций следует искать в политических кризисах, которые имели место в “старых

режимах правления”. Кризис развивается в тот период, когда страны оказываются втянуты в длительные международные конфликты, результатом которых является военное поражение. Одновременно внутренние классовые противоречия, особенно противоречия между аристократией и крестьянством, делают крестьянские массы восприимчивыми к революционным идеям. На основании сравнительного исторического анализа Скокпол пришла к выводу, что успешные социальные революции проходят в своем развитии три стадии: устаревший государственный аппарат терпит крах; крестьянство начинает участвовать в восстаниях, имеющих классовую подкладку; новая элита консолидирует политическую власть.

Преимущество архивных исследований состоит в том, что они дают ученым возможность проверить свои гипотезы на более широких временных и пространственных отрезках, чем это возможно при использовании других методов. Социологи более уверены в правильности гипотезы, если имеют возможность проверить ее на примере целого ряда культур и исторических эпох, не ограничиваясь одной группой людей в одном конкретном времени и месте. Однако ограничения свойственны и этому методу. Основная проблема заключается в том, что отсутствие или недостаточная точность документов часто препятствует проведению адекватной проверки. А когда материал имеется в наличии, его часто бывает трудно категоризировать таким образом, чтобы получить ответ на вопрос исследования.

Исследовательская этика

В ходе проведения исследований социологи сталкиваются с дилеммой. С одной стороны, они не имеют права искажать полученные результаты или манипулировать ими так, чтобы они служили несправедным, личным или государственным целям, с другой – обязаны рассматривать людей как цель, а не средство своих исследований. Ввиду возможных конфликтов между разнообразными обязательствами Американская социологическая ассоциация (1980) разработала свод этических норм, которыми ученые обязаны руководствоваться в своей работе. Среди основных этических принципов необходимо назвать следующие.

Социологи не должны осознанно пользоваться своей ролью исследователя как маской для получения информации для иных целей, помимо исследовательских.

В отношении объектов исследований должны соблюдаться нормы конфиденциальности и уважения.

Исследователи не должны подвергать объектов значительному риску или наносить им личный ущерб в ходе экспериментов. Там, где может предполагаться риск или ущерб, требуется безусловное согласие полностью проинформированных участников исследований.

Конфиденциальная информация, предоставленная участниками исследований, должна рассматриваться как таковая и социологами даже в случаях, когда подобная информация не ограждена никакими средствами легальной защиты или привилегиями.

В целом, поскольку социологические знания могут обретать форму экономической и политической власти, социологи обязаны предпринимать все меры для защиты своей дисциплины, людей, которых они изучают и учат, и общество от того ущерба, который может явиться следствием их профессиональной деятельности.

Социологическая перспектива

Социологическая перспектива предлагает найти новый – свежий и творческий – подход к изучению столь часто игнорируемых или принимаемых как должное аспектов социальной среды. Оказывается, человеческий опыт имеет множество смысловых уровней и вещи не всегда таковы, какими кажутся. Поведение человека управляется сложными переплетениями невидимых законов и институциональных систем, и человек непрерывно создает, обсуждает и пересматривает подразумеваемые соглашения с членами своей семьи, с друзьями, коллегами по работе в течение всей своей жизни в обществе. Многие из движущих нами принципов лежат за пределами нашего порога осознания. Именно так, постигая скрытую структуру внешнего мира, мы сталкиваемся с новыми уровнями реальности. Правила, нормы и отношения, организующие общество в слаженно действующую живую систему, в которой все распределено по своим местам и каждый элемент выполняет определенные функции, даже для профессионального исследователя трудноуловимы. Чтобы попытаться реконструировать его социальный облик, нужно научиться “по косточкам” (отдельным элементам: группам, отношениям) собирать “скелет” (структуру) общества и, наоборот, “сканировать” (выявлять труднодоступное) внутреннее содержание, т.е. закономерности организации общества как социальной системы. Подобный подход к реальности – специфическая форма сознания – составляет суть социологической перспективы. Социологическая перспектива позволяет осознать обществу скрытые от него аспекты человеческой жизни, учит видеть и правильно интерпретировать социальный “пейзаж”.

Социологическое воображение

Базисная посылка социологии заключается в том, что понимание тенденций развития общества, в котором мы все живем, позволяет понять самих себя. Ч. Райт Миллс определил это свойство как *социологическое воображение* – способность рассматривать собственный жизненный опыт и личные трудности в контексте структурной организации своего общества и той исторической эпохи, в которой мы живем. Как правило, наше видение обусловлено сферой нашего общения – школой, работой, семьей, соседями, феномен социологического воображения позволяет раздвинуть узкие рамки и почувствовать взаимосвязь между личным опытом и более масштабными социальными и историческими событиями. Миллс указывает, что наши личные проблемы и общественные вопросы “накладываются и взаимопереплетаются, образуя более крупномасштабную структуру социальной и исторической жизни”.

Каждый человек может правильно оценить себя только в сравнении с другими. Понять это и связать свою биографию с историей – признак классического социологического анализа, который мы встречаем у О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маннгейма, И. Шумпетера, М. Вебера и др. И каким бы вопросом мы ни занимались, социологическое воображение требует видеть его в контексте трех типов проблем.

1. Какова структура общества как системы? Каковы его элементы и как они связаны между собой? Чем они отличаются друг от друга?
2. Каково место этого общества в истории? Каков механизм его изменения? Какую роль оно играет в развитии человечества? Как его свойства влияют на исторический период, в котором мы живем? Каковы особенности этого периода? Чем он отличается от других периодов? Каким путем идет история?

3. Какие типы людей играют важную роль в этом обществе в данный период? Какие типы людей идут на смену? Как они формируются? Какие особенности “человеческой природы” раскрываются в этот период? Какую роль играет здесь общество?

Цель социологии, по мнению Миллса, заключается в том, чтобы дать человеку возможность быть свободным, активно вмешиваться в историю, но в то же время не позволять управлять собой тем, кто стоит у власти, не позволять навязывать себе их мнение. Именно в демократическом массовом обществе с его сверхорганизацией и скрытыми структурами власти Миллс видел необходимость подобной эмансипации мышления.

В целом можно сказать, что социологическое воображение позволяет проникнуть в наш социальный мир и идентифицировать связи между нашими частными биографиями и более мощными социальными силами жизни – понять, что все, происходящее непосредственно с нами, есть всего лишь точка пересечения наших личных жизней с жизнью общественной.